

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 12 (6323) 2010 ДӨНЬЯСЫ

Беседа с
Фаридом
Сейфуль-
Мулюковым

с. 3

Салих
Сайдашев

с. 9

Праздник в Буздяке

с. 8

В гостях у
Абдулхана
Ахтамзяна

с. 7

Рафаэль
Такташ

с. 5

Хасан ТУФАН

На дворе морозно, тихо,
Как бывает лишь зимой,
Наш с тобою летний вечер
Вдруг возник передо мной.

Очарованный виденьем,
Я гляжу сквозь зимний лес,
Словно сон на лёгких крыльях
Появился и исчез.

Там, в полуденных широтах,
От Лебяжьего далёк...
Может, след остался всё же,
Да сугроб ещё глубок.

Перевод Венеры Валеевой

Худ. Искандер РАФИКОВ. В гости.

Хроника месяца

Чемпионат мира по футболу
в 2018 году пройдет в России

Казань рассчитывает принять матчи группового этапа, а также 1/8 или 1/4 финала футбольного чемпионата мира 2018 года. Об этом сообщил 7 декабря на брифинге в Доме Правительства Республики Татарстан заместитель министра по делам молодежи, спорту и туризму РТ Халил Шайхутдинов.

По его словам, до ЧМ-2018 осталось еще много времени, так что окончательного решения, какие из 14 российских городов, участвовавших в заявке, смогут принять те или иные этапы мундиала, пока нет. Известны лишь требования FIFA: вместимость стадионов, на которых пройдут матчи открытия и закрытия ЧМ, должна составлять не менее 80 тысяч человек, для проведения полуфинальных матчей - не менее 60 тысяч, а для 1/8 и 1/4 финала - не менее 40 тысяч.

Главной футбольной ареной в Казани станет стадион на 45 тысяч посадочных мест, строительство которого ведется на набережной реки Казанка и завершится к Универсиаде-2013. Здесь пройдут церемонии открытия и закрытия Всемирных студенческих игр, а также финальные встречи соревнований по футболу Универсиады-2013.

«Мы надеемся, что в Казани пройдут матчи группового этапа чемпионата мира-2018 и как минимум - 1/8 финала, а может быть, и четвертьфинал, - заявил Халил Шайхутдинов. - Это станет известно позже, когда 15 стадионов 14 российских городов распределят по рангу и уровню».

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Вышел в свет третий том «Истории татар» – бесценный труд татарстанских и зарубежных ученых. Над третьим томом в качестве главного редактора трудился известный казанский ученый-историк Миркасым Усманов. «Он жил этим трудом, собрал ученых из разных стран, чтобы они могли сделать достойное издание мирового уровня. И мы это дело обязательно продолжим. Сегодня к нам поступают материалы со всей России и из-за рубежа по продолжению третьего тома», - подчеркнул Рафаэль Хакимов. Первый том книги уже переведен на турецкий язык. Вскоре будут переведены второй и третий тома.

«Историю, литературу, поэзию и культуру восьмимиллионного татарского народа кроме наших институтов в мире никто не изучает, потому что у них нет для этого необходимых кадров, оснований, материалов и источников. Поэтому данное направление - главное в Академии наук РТ», - сказал в своем выступлении президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров. «Если мы сумеем написать семитомную «Историю татар» и шеститомную энциклопедию татарского народа, то это будет нашим величайшим достижением», - отметил он.

Один из авторов третьего тома этнолог Дамир Исхаков в своем выступлении отметил, что в разработке книги было задействовано более 40 авторов, в том числе 17 из Татарстана. Они во время работы столкнулись с рядом трудностей, которые были связаны с источниками и с неизученностью ряда проблем. «Однако на сегодняшний день это лучшая работа по периоду Золотой Орды», - заключил он.

ГДАНЫСЬК, Польша

В польском городе Гданьск состоялось торжественное открытие Памятника татарам.

Монумент, представляющий собой скульптуру татарского воина-улана на коне, сооружен в честь 600-летия исторической победы Польско-Литовского государства в Грюнвальдской битве. Победу полякам помогли одержать воины-татары. В знак признательности ратного подвига татар польское государство инициировало создание данного памятника. Установка монумента татарским воинам является также актом выражения толерантного отношения к национальным меньшинствам.

На открытии Памятника присутствовали власти Поморского воеводства и города Гданьска, дипломатический корпус, представители татарских общин Польши и других стран, видные деятели культуры и науки, СМИ. В рамках этого мероприятия Союзом татар Республики Польша проведена научно-практическая конференция, посвященная татарскому влиянию в Европе, а также обширная культурная программа.

На торжества, посвященные открытию памятника, прибыл президент Польши Бронислав Комаровский.

В торжествах приняли участие Постоянный представитель Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Шамиль Ахметшин и Председатель Исполнительного комитета Всемирного Конгресса татар Ринат Закиров.

МОСКВА

В Москве продолжаются Сайдашевские вечера. Еще один вечер, посвященный 110-летию со дня рождения выдающегося татарского композитора Салиха Сайдашева, состоялся в Юго-Западном административном округе Москвы.

Инициатором его выступили активисты местной татарской национально-культурной автономии, возглавляемой Ахатом Мухамедовым. Бывший «военмор», капитан первого ранга в отставке, человек разносторонних интересов, увлечений и необычайной энергии - он свою «послевоенную», пенсионную жизнь посвятил сплочению соотечественников, проживающих в округе, просветительской деятельности среди всех его жителей, ознакомлению их с культурой, традициями, обычаями татарского народа, его выдающимися представителями. А по большому счету - пропаганде дружбы, духовного родства русского, татарского и других народов России.

Таким был и вечер, состоявшийся в Информационном интеллект-центре ЮЗАО, куда пришли не только татары.

С вступительным словом выступил Ахат Мухамедов. С особым интересом слушали собравшиеся рассказ о творческом и нелегком жизненном пути Салиха Сайдашева.

Основную часть вечера составили произведения композитора, с которыми познакомили слушателей артисты самодеятельного ансамбля «Чишма», созданного 25 лет назад и бессменно руководимого выпускником Казанской консерватории, композитором и музыкантом Рифкатом Асиковым. Ветераны ансамбля исполнили многочисленные мелодии Салиха Сайдашева.

Хорошим дополнением к вечеру стал показ документального телефильма о праздновании 100-летия С. Сайдашева в Москве, снятого творческой группой под руководством заслуженного деятеля искусств РФ Станислава Яроша, и озвучивание диска с записью знаменитого «Марша Красной Армии», который не раз звучал на Красной площади столицы в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

ЧЕБОКСАРЫ

В Чебоксарах готовится к изданию новая книга народного поэта Чувашии Валери Тургая. На этот раз он представит на суд обществу самые известные стихотворения классика татарской поэзии Габдуллы Тукая. Переводчик хорошо владеет татарским языком.

«Я понял дух Тукая, мощь его произведений. Даже его имя близко мне. Тукай - Тургай», - говорит народный поэт Чувашии.

Единственное, что оказалось не по силам Тургаю - он не смог перевести гимн татарского народа «Туган тел». Книга издается благодаря спонсорской помощи Национально-культурной автономии татар республики.

ТЮМЕНЬ

В деревне Чумык (Новоуфимка) Аромашевского района Тюменской области открылась новая мечеть. Новая восьмигранная мечеть не похожа ни на одну из восьми-десяти мечетей юга Тюменской области. Местные жители построили ее по проекту, который придумали сами, и исключительно за счет собственных средств. Под руководством председателя общины Шамиля Юмаева и мурлы Фариды Абубакирова заготавливали приобретенный складчину лес, поднимали сруб и закрывали крышу за несколько «субботников», на которые съезжались многие выходцы из Чумыка, ныне проживающие в других населенных пунктах области.

Чумык - один из старинных татарских аулов тюменского края. В деревне сохранилось ветхое полуразрушенное здание дореволюционной мечети, которое при советской власти было превращено сначала в правление колхоза, затем в склад, а потом и вовсе отдано под конюшню.

Радио «ВАТАНЫМ»

Для Вас круглосуточно вещает on-line радио ВАТАНЫМ. Слушайте любимые песни на нашей радиостанции www.vatanimradio.ru

Репертуар песен на нашей радиостанции подобран таким образом, чтобы хорошее настроение не пропадало, только качественные произведения, старые и новые хиты, отсутствие надоедливой рекламы и ненужной информации, создадут неповторимое приподнятое настроение.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Афиятулла Карипович Кучушев, родившийся 20 декабря 1940 году в татарской деревне в Мордовии, прошёл большой и славный трудовой путь: работал в колхозе, служил в армии, был шахтёром, дважды побывал на казахстанской целине, рыбачил в Баренцевом море... После окончания факультета журналистики МГУ со трудничал в газетах — Саранска, Донецка, Мытищ, Москвы. Тогда же он написал свои первые стихи и рассказы. Ныне Афиятулла Карипович автор нескольких книг стихов и прозы, получивших высокую оценку читателей и критиков. Так об одной из них «С любовью к вам!»

Известный писатель Ямил Мустафин, характеризуя творчество поэта и прозаика, писал: «А. Кучушев — натура поэтическая, увлекающаяся, сердобольная. Он подмечает острые, болезненно-ранимые стороны сегодняшнего драматического быта. Ему, как чуткому художнику, близки

страдания народа, понятны хитросплетения жизни. Патриотизм, гражданственность — вот пафос его лучших произведений».

А. К. Кучушев — Заслуженный работник культуры Российской Федерации, награждён знаком «Отличник печати», Член Союза писателей России.

Редакция и редакционный совет Федеральной просветительской газеты «Татарский мир» искренне поздравляет юбиляра с 70-летием, желают ему здоровья и радостных открытий на творческом пути.

Предлагаем вниманию читателей новое стихотворение юбиляра.

Душевный разговор

Рядом с тыном ивушка, скромная, как девушка,
Ива-ива, ивушка, любушка-голубушка.
Прозвана плакучею, почему ж, родимая,
Коли ты пригожая, коли ты красивая,
Ты такая светлая, косами обвитая,
Отчего ж плакучая, лихом коль не битая?
«Я такая хрупкая, я такая робкая,
Оттого лишь плачу я, что я одинокая.
И смеюсь сквозь слёзы я, как ребёнок радуясь,
И живу на свете я, на судьбу не жалуясь».
Значит ты не хрупкая, значит ты не робкая,
Стало быть, ты стойкая, коль живёшь не ойкая.
Спрячусь-ка под косами от залётной тучи я...
Ива-ива, ивушка, ты вовсе не плакучая!

Свою первую заметку известный политический телеобозреватель Фарид Сейфуль-Мулюков опубликовал в «Вечерней Москве» 23 октября 1953 года.

— Почему свой первый материал вы принесли в «Вечерку» и как это произошло?

— Первые годы из пятидесяти лет моей журналистской работы связаны с «Вечерней Москвой».

В те времена, когда наша пресса была очень идеологизирована и зашорена, «Вечерка» отличалась своей простотой и доступностью. Конечно, там тоже публиковались материалы по указанию Московского горкома партии, но все-таки газета была ближе к москвичам, к их каждодневной жизни. И именно поэтому купить ее было очень нелегко: киоски «Союзпечати», где продавалась газета, быстро опустошались. Каждому было любопытно почитать, к примеру, объявления о разводах, где попадались и знаменитые фамилии.

И наконец, подход редакции «Вечерки» к пишущей братии был не избирательным, не элитарным — туда можно было прийти просто с улицы, и если материал интересовал редакцию, его охотно брали. Вот так и я в далеком 1953 году пришел в «Вечернюю Москву» и принес свою статью. Я тогда учился на пятом курсе Института востоковедения, на арабском отделении, и поэтому статья называлась очень «оригинально»: «Марокканский народ не встанет на колени». Тогда было бурное время антиколониальных восстаний, и ООН как раз обсуждал вопрос Марокко, находившегося тогда под властью Франции, а я был, что называется, «в теме». Когда я принес статью в «Вечерку», я не думал о профессии журналиста — приходилось зарабатывать себе на хлеб. Я был счастлив не только скрутить в киосках огромное количество экземпляров газеты, но и получить первый гонорар, который составлял аж целую стипендию — сорок пять рублей.

— Давайте уточним: под вашей первой статьей ваша фамилия стоит не полностью...

— Да, над моей фамилией часто насмехались одноклассники. Поэтому, когда я принес в газету статью, я обрубил фамилию до «Ф. Мулюков» — более привычную для уха московских читателей. Полная же фамилия на арабском языке звучит как «Сейфуль-аль-мулюк» и переводится как «меч королей». Был один курьезный случай, когда в 1958 году к нам с первым визитом приехал президент Египта Гамаль Абдель Насер. Среди сопровождающих был издатель газеты «Вечерний Каир». Мы с ним говорили по-арабски, он заинтересовался моей фамилией, предположив, что я принадлежу к княжескому роду. Я ответил, что я не «меч, который охраняет королей», а «меч, который рубит головы королям». Уже потом, читая газету, я обнаружил, что он использовал мои слова в качестве заголовка к своему репортажу.

— А вы действительно княжеского рода?

— Я родился 19 ноября 1930 года в Ташкенте в семье востоковеда Мустафы Сейфуль-Мулюкова, который, к несчастью, был репрессирован в 1938 году и погиб в ГУЛаге. Его обвинили в том, что он агент турецкой и немецкой разведок — еще до революции он жил в Стамбуле и в Берлине, где закончил университет по специальности «восточная филология». Его арестовали у меня на глазах, причем среди документов изъяли и пергамент с генеалогическим древом, известным на

Фарид Сейфуль-Мулюков — это известный всей нашей стране — и не только ей — журналист-международник встречался с президентами, королями, премьерами и множеством других самых разных людей. В частности, с первым президентом Египта Насером, королем Иордании Хусейном, палестинским лидером Арафатом, президентом Сирии Асадом, руководителями Афганистана Тараки и Наджибуллой, духовным лидером Ирана Хомейни, первым президентом Кипра архиепископом Макариосом, кубинским вождем Кастро... Они были ему интересны. Но его блистательные фильмы-репортажи и фильмы-исповеди, статьи и книги не стали бы таковыми, если бы он и сам не был интересен своим героям...

♠ «МЕЧ КОРОЛЕЙ»

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

16 поколений. От отца у меня остались всего две книги — семейный рукописный Коран, который хранится до сих пор, и переводная с английского «Жизнь пророка Мухаммеда».

Конечно, детство было тяжелое, но в итоге мне и моему родному брату удалось поступить в Институт востоковедения. Его арабское отделение я закончил с красным дипломом в 1954 году, но так как я был сыном репрессированного, то не мог и мечтать о дипломатической службе. Да мне и не хотелось — тянуло к творческой работе. Я сотрудничал в журналах, моей основной темой были страны Азии и Африки.

— Фарид Мустафьевич, психологи утверждают, что какая-то праоснова формируется в человеке до пяти лет. В каком возрасте Восток вошел в вашу жизнь?

— Именно в раннем детстве. Для меня начало «восточной» темы — это довоенный Ташкент. Очень хорошо помню этот город с его разноязычием, ярким колоритом, живописными стариками. Это по сути жемчужина советского Востока. Так же, как и великие города Бухара и Самарканд. Самые ранние мои годы прошли в тесном соприкосновении с мусульманской культурой. Узбеки-мусульмане её сохраняли, несмотря на идеологизацию общественной жизни. Мы, ребята, бывали на праздниках, свадьбах. В мечеть я, правда, не ходил (семья у нас была светская).

— Хорошо знаете узбекский?

— Не блестяще, в последующие годы не было практики. Но объясниться сумею. Мы в семье, вообще-то, говорили на татарском.

— Ваши родители — татары. Как они попали в Ташкент?

— Туда в свое время приехал, возвратившись из недолгой эмиграции, мой дедушка по маминной линии Гали Ахмедович Яшеуев...

— Нашим читателям вы известны как телевизионный ведущий...

— В 1959 году меня пригласил на работу в Гостелерадио тогдашний председатель этой организации Сергей Кафтанов. Одновременно он был президентом Общества советско-арабской дружбы, и ему нужен был советник-арабист. Через два года я оказался в «Последних известиях» Всесоюзного радио и работал среди тех, кто создавал «Маяк» в 1964 году. Это был прорыв: там журналисты могли пользоваться не только «тассовками», но и сообщениями западных информационных агентств, самостоятельно отбирать новости и делать комментарии. Очень многие политические тележурналисты — достаточно вспомнить Зорина и Дунаева — вышли оттуда... А в 1968 году я отправился на Ближний Восток заведовать корпунктом советского телевидения и радио, который находился тогда в Бейруте.

— Тогда, как и сейчас, Ближний Восток был настоящей горячей точкой...

— Да, арабо-израильские войны 1967 и 1973 годов, начало гражданской войны в Ливане, «черный сентябрь» в Иордании, когда королевская армия сцепилась с палестинскими боевиками. Вернулся я оттуда в ноябре 1974-го и с этого времени по

1990 год был политическим обозревателем Центрального телевидения и радиовещания. Несколько лет пришлось отдать Афганистану — я оказался там через неделю после апрельского переворота 1979 года, а в декабре 1979-го был очевидцем взятия президентского дворца Амина нашим спецназом. И я же был очевидцем первого этапа вывода советских войск из Афганистана во времена Горбачева. Все же я за годы работы побывал как специальный корреспондент в 60 странах.

— Журналистика считается опасной профессией, тем более в горячих точках. У вас было ощущение опасности?

— Конечно, во время конфликтов и войн журналисты рискуют.

И у меня бывали такие моменты. В Дамаске в 1973 году, во время очередной арабо-израильской войны, я оказался около здания сирийского телевидения во время бомбардировки его израильской авиацией — их «Миражи» летали очень низко, и я видел практически волосатые

— Оно было минимальным. Хотя люди, приближенные к руководству СМИ и директивных органов, обладали определенным доверием. Они работали в достаточно свободном русле, без цензуры в прямом смысле этого слова. Были правила игры, которые соблюдались. И если человека допускали к эфиру или на страницы центральной прессы, то всем было ясно: Юрий Жуков, Николай Полянов, Мэлор Стуря, Валентин Зорин, Александр Каверзнев не станут касаться вопросов, которых не надо касаться.

Во время командировок с правительственными делегациями мне часто приходилось встречаться с высшими руководителями СССР — Алексеем Косыгиным, Андреем Громыко, Николаем Подгорным. В поездках они видели, как мы день и ночь работаем, освещаем визиты, передаем материалы, и относились к нам очень дружелюбно. Так что никаких отношений типа «барин-холоп» тогда не было.

— Кому-то из вас, вероятно, позволялось больше остальных.

— Думаю, Бовину. По-моему, ему специально давали говорить больше, чем остальным, чтобы потом показывать всем — вот, у нас есть свобода прессы, мы здесь не такие уж и идеологизированные.

— Говорят, все журналисты, работающие за рубежом, были так или иначе связаны с КГБ. Это так?

— Во время командировок очень часто нужно было получить ответы на определенные вопросы, интересовавшие органы. Вот пример. В июне 1982 года, во время очередной арабо-израильской войны, сирийцы повели себя очень странно — они отвели свои войска из горных районов Ливана в долину Бекаа и боязливо наблюдали, как израильская авиация колошматит палестинцев и их мусульманских союзников в Бейруте. В Москве это вызвало недоумение. Я собрал достаточно много информации о происходящем там и, приехав в Москву, рассказал об увиденном тогдашнему руководителю отдела международной информации ЦК КПСС Леониду Замятину.

Он при мне поднял телефонную трубку и рассказал об этом Андропову, тогда еще второму человеку в партии. Тот пригласил меня на заседание правительственной комиссии по Ближнему Востоку, чтобы я обо всем этом доложил. На этом моя миссия завершилась. Что именно они там решали, я, конечно же, не знал. Естественно, такие случаи были не только у меня. Мы считали, что такая работа абсолютно оправдана — в конце концов, мы работали на свою страну.

— Как по-вашему, сейчас подобного рода вещи происходят?

— Я не исключаю этого. В политике меняются методы, но основная линия остается. Я не знаю практики работы нынешних компетентных органов, но вряд ли они не пользуются помощью журналистов.

— Что бы вы посоветовали молодым журналистам?

— Я не хотел бы представлять здесь каким-то гуру, не имею на это права. Я думаю, главное — говорить правду, избегать ангажированности и тем более не продавать перо за деньги. Это все равно становится очевидным: ведь наш читатель и зритель — очень опытный человек.

Если ему слишком навязывают точку зрения, если «торчат уши», он это легко распознает. И после этого хуже относится ко всей журналистике. По сравнению с нашими временами отношение к журналистам изменилось, по-моему, не в лучшую сторону. Вернуть доверие будет очень не просто.

Беседовал Сергей МИНАЕВ

Фарид Сейфуль-Мулюков был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд», боевым орденом Красной Звезды (за мужество и самоотверженность, проявленные при выполнении служебных заданий в Афганистане и Ливане). Заслуженный деятель искусств РФ. В 2001 году награжден знаком «Золотые перья России».

Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 4 ноября 2010 года Фарид Сейфуль-Мулюков награжден орденом Почета. Члены Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество») и коллектив Федеральной просветительской газеты «Татарский мир» искренно поздравляют члена правления «Ватаным» и члена Редакционного совета нашей газеты, легендарного сына страны с 80-летним юбилеем и высокой государственной наградой, желают ему крепкого здоровья, новых творческих успехов и долгих лет совместной работы во благо нашей Отчизны — Российской Федерации.

Молчала наша пресса.
— Мы сейчас за это платим...
— Да, мы сейчас за это платим.
— Вы были журналистом высокого ранга, вас знали руководители страны. Вы имели какое-то влияние на руководство?

Выдающиеся просветители

Абрар Гибадуллович Каримуллин (1925-2000) — известный татарский ученый, книговед-библиограф, доктор филологических наук, действительный член Академии наук Татарстана, заслуженный деятель науки ТАССР, лауреат Государственной премии РТ им. Г.Тукая, лауреат Международной премии им. Кул Гали. Участник Великой Отечественной войны.

Предлагаемая для наших читателей статья была написана в начале восьмидесятых годов прошлого века, и она ничуть не потеряла свою актуальность и в наши дни.

Абрар
Каримуллин:Где хранятся
татарские книги?

Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности.
А.С. Пушкин

(Продолжение, начало в №11)

После Октябрьской революции произошли крупные изменения по сбору, хранению национальных книг — духовной памяти народов. Так, на основе «Декрета Совета Народных Комиссаров о передаче библиографического дела в РСФСР государственному издательству» от 30 июня 1920 года, подписанного В.И. Лениным, обязательным экземпляром книги снабжались уже более двадцати библиотек страны. Снабжение этих библиотек обязательным экземпляром литературы начало проводиться централизованно, через Центральную книжную палату. В 1922 году вопрос о бесплатном обязательном экземпляре пересматривается заново — за счет расширения числа и географии библиотек. На основе этого нового положения в числе библиотек, получающих бесплатный обязательный экземпляр литературы, мы видим и библиотеку Казанского университета.

В ходе рекаталогизации татарских книг, напечатанных арабской и латинской графиками, мне лично пришлось покнижно ознакомиться со всем фондом этих книг. В ходе этой работы мы установили, что ни университет, ни его библиотека до революции комплектованием фондов татарских книг не занимались. Сюда не поступали даже татарские книги, издаваемые в типографии самого университета. Более того, в 1855 году, в связи с переводом восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербургский университет фонды восточных рукописей были перевезены в северную столицу.

С этого времени востоковедение в Казанском университете практически заглохло, попытки Н.Ф. Катанова не привели к восстановлению в университете востоковедения. В этих условиях и во второй половине XIX века, да и в начале XX века комплектованием восточных книг и рукописей, в том числе и татарских, здесь не занимались.

В ходе рекаталогизации татарских книг мы убедились, что здесь довольно богато представлены татарские дореволюционные книги. Оказалось, что они поступили сюда в порядке дара и от конфискации после Октября частных татарских домашних библиотек.

В начале XX века Н.Ф. Катанов прибыл из Петербурга в Казанский университет, где он факультативно начал вести курсы по истории, литературе, языкознанию тюркских народов. Из-за отсутствия в фондах библиотеки университета татарских и других тюркоязычных книг Катанов активно приступает к сбору среди населения татарских книг и рукописей. Он приобретал практически все книги текущего татарского книгопечатания.

Н.Ф. Катанову, практически выжитому из Петербурга шовинистически настроенными учеными, и в Казани работало тяжело как «инородцу». Травля, начатая с первых дней прибытия в Казань, продолжалась и дальше, к чему скоро присоединились и местные христианские миссионеры. В этих условиях Н.Ф. Катанов собирается оставить Казань и вынужден

продать всю уникальную библиотеку, где насчитывалось более 9000 печатных и рукописных книг, в основном восточных и востоковедческих книг. Предложил он сперва свою библиотеку Казанскому университету, где даже не стали обсуждать вопрос о ее приобретении. Затем он обратился в Ташкент, потом в Иркутск — ответы везде отрицательные. Тогда Н.Ф. Катанов вынужден был обратиться к Лейпцигскому университету, откуда сразу получил ответ, что они согласны приобрести его библиотеку. В это время в Казань прибыл премьер-министр Турции Хильми Паша, и он узнает, что здесь продается востоковедческая библиотека. Он немедленно встретился с Н.Ф. Катановым, тут же купил его библиотеку и поручил своим сопровождающим отправить эту библиотеку в Турцию. Эта библиотека поступила в фонд Стамбульского университета. Известно, что фонд книг Н.Ф. Катанова там был обработан известным татарским писателем Мусой Акъегетом еще до революции, который в то время работал в Турции учителем русского языка.

Первая партия татарских книг в библиотеку Казанского университета поступила в конце XIX века. Это — дар профессора восточного разряда Казанского университета И.Ф. Готвальда (1813 — 1897), долгие годы проработавшего и библиотечником университета (1850 — 1897), цензором татарских книг (1857 — 1874), начальником типографии Казанского университета (1859 — 1862). Как видим, он постоянно находился в мире книг, в том числе и татарской книги. Будучи востоковедом и страстным любителем книг, он всю жизнь собирал книги, в основном на восточных языках и по востоковедению. В его библиотеке оседали и некоторые рукописи татарских авторов, представленные к цензурному рассмотрению. Вот почему его библиотека представляет огромную ценность, как для истории национальной книги, так и для культуры народа.

Татарские книги после Октября в библиотеку университета поступали по разным каналам: путем покупки, по обязательному экземпляру, путем дара, передачи конфискованных частных библиотек.

Казань — один из крупнейших центров науки и культуры, а также русского и татарского книгоиздательского дела, была богато оснащена книгами. После Октября, когда началась национализация частных библиотек, здесь собрали огромный фонд книг.

Более двух миллионов книг, «переданных» библиотеке университета, были свезены в подвалы Гостиного двора и сложены в кучи, где они пролежали более двадцати лет в сыром помещении. Из этих фондов в предвоенные годы успели обработать лишь малую толику книг — часть книг.

В середине 50-х годов началась обработка этого фонда книг, в котором мы приняли непосредственное участие. При этом было установлено, что значительная часть этих книг из-за отсутствия нормальных условий хранения пришла в полную негодность, они пошли в лучшем случае на макулатуру. Остальная часть книг была обработана и каталогизирована в течение почти десяти лет. После этого фонд обработанных книг был све-

рен с главными фондами библиотеки Казанского университета. Книги, отсутствующие в главных фондах библиотеки, но представленные в указанном собрании книг, были взяты в библиотеку университета. Из оставшейся части этого собрания был организован «Обменно-дублетный фонд» библиотеки Казанского университета.

Довольно богато представлены татарские книги и в Книжной палате Татарской АССР. Главная задача книжных палат национальных республик — это учет, обработка, хранение текущей продукции печати республики на всех языках, ведение статистики печати и составление регистрационной и другой библиографии. Кроме того, на них возложены выявление, сбор, учет всех изданий края, напечатанных за прежние годы, со времени появления печатного стана в крае. Книжная палата Татарской АССР образовалась раньше всех других республиканских книжных палат.

Наши попытки о представленных в фондах Всесоюзной книжной палаты татарских книг, поступивших по бесплатному обязательному экземпляру, не дали никаких результатов. Здесь не знают, куда делись татарские книги, поступившие по бесплатному обязательному экземпляру в 1917 — 1927 годах.

21 декабря 1926 года Совет Народных комиссаров Татарской АССР утверждает Положение о Книжной палате Татарской АССР. На нее возлагались те же задачи, что и Центральной книжной палату РСФСР, но в масштабах Татарстана: учет, комплектование всех татарских книг, издаваемых и вне республики. В дополнение — и учет, по возможности и сбор книг по «Татарике». Эта книжная палата известна в разное время как «Центральная книжная палата Татарской АССР», «Государственная книжная палата Татарской АССР». В 1929 году ей передал фонд «Центральной мусульманской библиотеки», известной в свое время как «Мусульманская библиотека им. Муллагура Вахитова».

В период очередных «преобразований» Татарская книжная палата снова теряет свою самостоятельность, оказывается уже в ведомстве Академического центра Татнаркомпроса. А с «образованием» «Научной библиотеки Татарской республики при Казанском государственном университете» она оказывается уже в ведении университета со штатом, состоящим из двух человек, где она должна была заниматься учетом, регистрацией и библиографированием местной книжной продукции. Практически же она здесь этим делом не занималась, эти две штатные единицы приступили к созданию каталогов на татарские книги, поступившие по обязательному экземпляру в библиотеку университета и в саму Книжную палату. Таким образом, Книжная палата со своими фондами и штатами растворилась в библиотеке университета.

С восстановлением Татарской книжной палаты с 1938 года местный обязательный экземпляр поступает уже непосредственно в библиотеку Татарской книжной палаты. А библиотека университета до октября 1959 года продолжала получать всеобщий бесплатный обязательный экземпляр, в том числе книг, издаваемых в СССР на татарском языке.

Татарская книжная палата никогда не получала по бесплатному обязательному экземпляру татарских книг, издаваемых вне Татарстана. Поэтому научная библиотека Казанского университета обладает более полным фондом татарских книг, изданных в Союзе за 1922 — 1957 годы. А в Книжной палате должны быть представлены по идее все книги Татарстана, изданные и издаваемые с 1938 года до наших дней.

В настоящее время в фондах Татарской книжной палаты представлено более миллиона единиц хранения печатной продукции на татарском, русском и на других языках. Среди них немало и дореволюционных татарских книг. В 1979 году она выпустила ретроспективную библиографию татарских книг 1917 — 1929 годов. Там учтено более четырех тысяч татарских книг указанного периода. Из них более половины описаны по фондам других, указанных выше, крупных библиотек страны, т.е. татарские книги этого периода в Татарской книжной палате представлены лишь наполовину.

Значительное количество татарских книг представлено и в фонде библиотеки Казанского филиала Академии наук СССР.

В 1939 году при Народном комиссариате просвещения ТАССР организуется Татарский Институт языка, литературы и истории. Это был период, когда татарскую графику, переведенную на латинскую основу, снова переводили на гра-

фику русского письма. В связи с этим шла вторая «очистка» массовых библиотек от татарских книг, напечатанных латинской графикой, а «очистка» татарских книг, напечатанных арабской графикой, была уже завершена. Только что открытый институт нуждался для своей научной деятельности в татарских изданиях, выполненных любыми шрифтами. В этих условиях Татарский институт языка, литературы и истории мог оказаться без источниковедческой базы.

Тем более, многие люди, имевшие татарские книги, изданные арабским шрифтом, в условиях того времени боялись их хранить. Но нашлись люди, которые не побоялись держать такие книги. Сохранилась богатая домашняя библиотека известного общественного деятеля, ученого, педагога Мухутдина Курбангалиева, в которой были широко представлены татарские книги прошлых лет. Эта библиотека была приобретена и легла в основу будущей библиотеки, ныне Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова. Передали в дар только что открытому институту свои богатые книжные собрания и известные татарские ученые Джамал Валиди, Галимджан Шараф. Хотя фонд татарских книг Казанского филиала не так уж богат в количественном отношении, но среди них встречаются уникальные издания, отсутствующие в других библиотеках. Будучи ведомственной библиотекой, фонды этой библиотеки практически закрыты для посторонних читателей.

После Октября из Казанской городской библиотеки, которая затем превратилась в научную библиотеку ТАССР, был изъят фонд «мусульманского отдела», о чем говорилось выше. Кроме того, эта библиотека, наряду с Татарской книжной палатой начиная с 1929 года, начала получать местный бесплатный обязательный экземпляр литературы, включая и газеты и журналы на татарском, русском, чувашском языках. В настоящее время в фондах Научной библиотеки им. В.И. Ленина ТАССР представлено около 2000 татарских книг, изданных арабским и латинским шрифтами. В основном это книги, изданные в 1920 — 1940-х годах. Среди них имеются сочинения классиков татарской литературы Г.Тукая, М.Гафури, Г.Камала, Х.Такташа, К.Наджми, переводы сочинений классиков русской и зарубежной литературы и много других ценных изданий. Там же имеются книги, изданные и до революции, да и ряд номеров дореволюционных татарских журналов, таких, как «Аң», «Шура», «Ак юл» и т.д.

Все это говорит о том, что в эту библиотеку и после Октября поступали книги как дореволюционные, так и изданные после революции на основе арабской и латинской графики. Да и в порядке местного бесплатного обязательного экземпляра эта библиотека получала в 1929 — 1938-х годах татарские книги на указанных графиках.

Получающая местный бесплатный обязательный экземпляр литературы, республиканская библиотека им. В.И. Ленина фактически стала главной библиотекой республики, которая неспроста именуется сегодня Научной библиотекой Республики Татарстан.

Различные археографические экспедиции, организуемые Институтом языка, литературы и истории КФ АН СССР, Казанским университетом, говорят о том, что у населения еще встречаются древние татарские книги, которые из-за отсутствия людей, умеющих их читать, в последние годы быстро исчезают. Вот за счет их библиотека могла бы пополнить фонды татарских книг прежних лет. Известно, что после Октября по новому положению о бесплатном обязательном экземпляре татарские книги поступали и в ряд библиотек Средней Азии, Казахстана, Сибири, Украины. Мы специально познакомились с фондами республиканских научных библиотек Казахстана, Узбекистана, Туркмении, получавших в то время и обязательный экземпляр татарской литературы. Но в фондах этих библиотек, как мы установили, татарские книги, поступившие в порядке всеобщего бесплатного обязательного экземпляра, не представлены. Возможно, они хранятся среди их необработанных фондов.

Выше мы говорили, что книга является памятью народа, без которой у него нет будущности. Как видно из этого обзора о состоянии комплектования и хранения национальных книг у себя в республике, мы, оказывается, не очень дорожим этой памятью. Печально, но факт.

Высокий, худой, как Дон Кихот, порывистый, как ветер... Вот он идёт солнечным проспектом Ташкента, летом — в белой рубашке на выпуск, сшитой по воротнику крестиком, в лавсановых брюках, на голове неизменная тюбетейка, похожая на мини-юрту. Осенью и зимой — в длиннополом плаще или пальто, а вместо тюбетейки — велюровая шляпа или каракулевая шапка. Из-за воротника сказочной птицей выпархивает тёплый шарф. Под мышкой — кожматовая папка, то ли с рукописями, то ли с эскизами-рисунками. Рядом — неизменно молодые люди: художники, скульпторы, гончары, чеканщики, резчики по дереву — словом служители прекрасного. Они внимательно слушают своего учителя, ловят на лету каждое его слово.

Таким я впервые увидел Рафаэля Хадиевича Такташа в 1969 году. И таким он оставался всю жизнь: в кругу молодёжи или своих сверстников-коллег.

Спустя годы были и мои личные встречи с мэтром искусствоведения — не частые, но сохранившиеся в памяти навсегда. Встречались мы и на открытиях выставки того или иного художника, в творческих союзах, в издательствах, редакциях газет и журналов, в гостях у общих знакомых.

Окружение Рафаэля Такташа знало, что отец его Хади Хайруллович Такташ (Такташев) в первой четверти минувшего века был известным татарским поэтом. Он прожил короткую жизнь (1901 — 1931) и рано умер. Но след, оставленный им в литературе, был глубоким и значимым. Его книги стихов, поэм, драм, трагедий — «Сыновий земли», «Века и минуты», «Письма в грядущее», «Утерянная красота», ещё при жизни поэта стали классикой и вошли в золотой фонд татарской литературы.

Отца своего Рафаэль Такташ не помнил: мальчику было четыре года, когда его не стало. И вспоминать, как мне казалось, Рафаэлю Хадиевичу о своём знаменитом родителе почему-то не очень хотелось. В этом всегда присутствовала некая личностная или семейная тайна. Однако если кто-нибудь из знакомых начинал разговор о творчестве его отца, Рафаэль Хадиевич сразу становился внимательным, но в спор и в дискуссию не вступал.

В далёкий Ташкент из Казани Рафаэль Такташ вместе с матерью Гульчиной Хамзиной прибыл во время войны. Здесь было много эвакуированных — русских, татар, белорусов, украинцев... Сюда доставляли прямо с фронтов раненых, срочно перевозили целые заводы, фабрики. И они прямо с «колёс» работали, как заведённые часы: «Всё для фронта, всё для победы!»

На известном Алайском базаре можно было запросто встретить московских знаменитостей — артистов, писателей, поэтов, художников... А. Жарова, И. Равенскую, А. Толстого, А. Тышлера, К. Чуковского, А. Ахматову, К. Некрасову и многих других.

Рафаэль, будучи общительным и любознательным подростком, сразу же обрёл на новом месте неординарных друзей-единомышленников... В нём удивительно тесно уживалось множество страстей и нераскрытых ещё в полную силу талантов. Рафаэль уже писал стихи на татарском и русском языках, прекрасно рисовал, музицировал...

Это-то и привело его в городской дворец пионеров, расположенный в бывшем княжеском особняке, в литературную студию, в котором занимались — З. Туманова, Э. Бабаев, В. Берестов, Георгий Эфрон-Мур (сын М. Цветаевой), к сожалению, он вскоре погибнет, а остальные в будущем станут известными поэтами, писателями, учёными...

А пока... Школьники под руководством опытных педагогов познают тайны поэтического ремесла. К ним на встречу собственной персоной приходят кумиры — К. Чуковский, А. Ахма-

Николай КРАСИЛЬНИКОВ, писатель

РАФАЭЛЬ — СЫН ХАДИ ТАКТАША

това... Подростки жадно впитывают их уроки. А после занятий они гуляют по притихшему городу, читают друг другу свои и чужие стихи. По воспоминаниям той поры писательницы З. Тумановой часто заводилой и лидером таких прогулок был Рафаэль Такташ. Его обаяние притягивало многих.

Окончив школу, Рафаэль на удивление всем близким и хорошо знавшим его людям, уехал в Москву и там поступил в художественный институт им. Сурикова. Этого образования ему показалось мало, и юноша ещё четыре года проучился на факультете искусствоведения в Ленинграде. С двумя высшими образованиями Такташ вернулся в Ташкент. Иначе и не могло быть. Слишком уж он прикипел всем сердцем и душой к древней земле Согдианы. Её гостеприимному народу, к своеобразной многовековой культуре, отдалённо напоминавшей ему родную, татарскую... Немаловажно и то, что в солнечном краю «золотого граната» жили и плодотворно творили такие большие, неповторимые, со своей манерой «письма» художники-живописцы — У. Тансыкбаев, В. Зеликов, Н. Карахан... Художники-графики В. Кайдалов, Г. Карлов, С. Мальт... А ещё скульпторы, керамисты, гончары...

Здесь, в Узбекистане, со всей присущей молодой энергией Рафаэль Такташ занялся живописью, прекрасно владея акварелью и маслом, приёмами разных школ и направлений. Он отлично знал и чувствовал европейскую, русскую и восточную живопись. Всё это ему помогало в работе, в творческих поездках по древним городам — Самарканду, Бухаре, Хорезму, Коканду, где всюду открывалось «пишество глазу»: красочные минареты, старинные базары времён Тимура, чайханы...

Очень нравилось Такташу ранней осенней порой с группой художников — В. Будаевым, В. Бродским, Е. Мельниковым бывать на этюдах в одном из лучших уголков республики в Ташкентском ботаническом саду, где среднеазиатские чинары соседствовали с русскими берёзами, канадские клёны с японскими сливами. Это с лёгкой подачи Такташа его группу живописцев не без доброй улыбки стали называть «художниками ботанистами».

С годами занятия живописью у Рафаэля Такташа постепенно стали отодвигаться на второй план. Его стала больше привлекать к себе искусствоведческая стезя. В столице республики не проходило ни одной художественной выставки, молодых или маститых мастеров кисти, которая прошла бы мимо внимания взыскующего и в то же время доброжелательного взгляда художника-критика. А вскоре в газете или журнале выходила его очередная статья, подробно анализирующая творчество того или иного художника. Такташ всё это делал по велению сердца, следуя чисто эстетическим канонам. И это, увы, многим нынешним молодым людям не понять. В своих искусствоведческих обзорах и статьях Такташ неизменно следовал великому закону творчества, который заключён в бессмертную фразу гётевского Фауста: «Остановись, мгновенье, — ты прекрасно».

За свою долгую и плодотворную творческую жизнь у Рафаэля Такташа таких мгновений накопилось великое множество,

трансформируясь в заметки, статьи, очерки о художниках, деятелях искусства. В творческом багаже у Такташа их более четырёхсот! Он глубоко изучил и популяризировал творчество своего соотечественника Народного художника Узбекистана Чингиза Ахмарова. А если сюда дополнить солидные исследования и монографии «Александр Волков», «Н. В. Кашина (Жизнь и творчество)», «Михаил Курзин», «Фарух Кагаров», «Современная графика Узбекистана», «Художественно-критические этюды» и другие, то получится целая библиотека!

...У каждого большого художника слова или кисти в жизни есть свои особые пристрастия, предпочтения, если надо, кумиры.

Таким кумиром с молодых лет для Рафаэля Такташа был художник и поэт, неординарная личность во всех смыслах — Александр Николаевич Волков (1886 — 1957). При жизни его называли Мастером «гранатовой чайханы», по значимости творчества его картины сравнивали с великими колористами России, Италии, Испании (Врубель, Веласкес, Тициан и др.).

Будучи глубоко русским человеком, из интеллигентной семьи (отец военный врач 14-го Туркестанского батальона), Волков навсегда остался коренным азиатом. И всё его бессмертное многогранное творчество, как показало время, посвящено узбекской земле, её людям, где «лоз виноградных тоскующий сад», а «смуглые девушки — маки зацветшие»...

Рафаэль Такташ, однажды юношей побывав в мастерской Волкова, раз и навсегда остался очарованным его творчеством, пылающими красками, музыкой линий. Тогда же начинающий искусствовед метко заметил, что кисть художника настолько органична и музыкальна, что посредством красок может передавать «скрип арбы и запах дыни».

Эту любовь к творчеству художника и к его непростой личности Рафаэль Такташ пронёс через всю свою жизнь.

Такташу нравились не только живописные полотна своего учителя, но и другая его немаловажная ипостась — стихи, которые художник называл «слепками души». А как читал Рафаэль, любимые им стихи, надо было это видеть и слышать.

На дне рождения у художника Е. Мельникова мне посчастливилось наблюдать это действо. Рафаэль Такташ встал посреди комнаты и объявил: «Сейчас я прочту стихотворение Волкова

«Танец». Здесь необходимо подчеркнуть: было это в начале 70-х. Стихи Волкова тогда нигде не публиковались, и, кажется, были они написаны художником в 20-е годы.

Такташ скинул с себя пиджак, повесил его на спинку венского стула и начал:

Тыни мини тын,

Под удар дутара тюбетейки клин

Взвился, точно кречет в серой бедане,

Перья крыл трепещут в пыльной синеве.

Ах, моя услада, сладость спелых дынь,

Золотятся ноги — тыни мини тын...

Дост!

Лапа лапа лап лап,

Лапа лапа лап...

Барабанов трепет в яром скрипе арб.

Хруст циновки нежен, взор её — цветок.

В исступленье диком кружится сто ног.

Барабанов вопли — тятпы дапы лап.

Бубен бьёт под пляску — лапа лапа лап.

Дост!

Тыка тыка тын тын, тыка тыка тын,

Пила Аллах и кальяна дым.

Так пылают щёки — точно два граната,

Падают в истоме руки от халата.

Ах, моя услада, спелых много дынь,

На больших подносах, тыка тыка тын.

Дост!

Каждое слово, каждую строчку стихотворения Такташ подчёркивал голосом, мимикой лица, движением тела — рук и ног, «превращая» в удары бубна, трещащие крылья кречета, в лукавую улыбку шахерезады-чаровницы...

Всё это постепенно вырастало в какой-то необычный фантастический узбекско-татарский танец, напоминающий воздушные балетные «па» Нуриева и чарующую воровбу восточных стихов Велемира Хлебникова.

Причём каждое шестистишие Такташ подкреплял пощёлкиванием пальцев и звонким узбекским выкриком «дост», что в переводе означает возглас одобрения, идентичное русскому «браво». Это был театр одного актёра, моно-спектакль!

Помню, после завершающего стихотворения слова «дост» из-за именитого стола шумно выкарабкался эксцентричный и талантливый живописец Рузы Чарыев и искренно по-русски трикратно расцеловал маз-стро.

Дружные аплодисменты гостей только подкрепили это признание.

В 90-е годы автора этих воспоминаний назначили главным редактором журнала Союза писателей Узбекистана «Звезда Востока». И, конечно, желанным его автором стал опять Рафаэль Такташ. Почему «опять»? Такташ в этом журнале публиковался более полувека. Он всегда писал на «вечные темы», о людях прошлого и нынешних талантах, о писателях — чудесниках слова, которые оставили в живописи и слове глубокий неизгладимый след. В этом смысле мы с Рафаэлем Хадиевичем нашли тесную точку соприкосновения. Ведь он по складу своей скромной и щепетильной души ещё был неистовым собирателем всего прекрасного — картин, редких рукописей, стихов, писем, воспоминаний...

Да и сам Рафаэль Хадиевич не скупился на подарки. Там, где бывал художник, где его любили, ценили и ждали — в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении, творческих союзах, можно было увидеть его многочисленные мягкие акварельные пейзажи, натюрморты, портреты...

Как-то Рафаэль Хадиевич принёс в редакцию очередной обещанный материал. Это было короткое эссе-воспоминание о Николае Ивановиче Леонове (1894 — 1971) учёном-филологе, который основал в 20-30 годы в Фергане (бывшем Горчаково) первый пединститут. К эссе, кстати, написанном блестяще, прилагалось ещё и нигде неопубликованное стихотворение учёного «Старобухарская ночь...». Оказывается, Н. И. Леонов всю жизнь писал прекрасные стихи. Во всяком случае, для меня это явилось приятным открытием. Но Такташ не был бы Такташом, если бы сам не прочитал вслух ударные строфы:

Старобухарские ночи!

Старобухарские дни!

Быть бы твоим мне зодчим,

Царь Исмаил Самани!

Под стихотворением стояла дата: «10 октября 1933 года.

Чайхана на ст. Горчаково (в ожидании ночного поезда на Андижан)».

Даже в этом прочитанном отрывке Рафаэль Хадиевич оставался настоящим «дегустатором стиха», рисуя интонацией голоса лучшие строки произведения. В поэзии он ценил звукопись, красочность, настроение, мысль (но ни в коем случае не холодное умозаключение).

Это мастер доказал в очередной раз.

В этот день мы много говорили с Рафаэлем Хадиевичем о нынешней неуютной жизни, вспоминали об ушедших в мир иной художниках и поэтах. Но тут в кабинет неожиданно вошла молодая писательница.

— Можно? — нерешительно спросила она.

— Ну, раз вошли, проходите, — пригласил я. — Вот кресло, садитесь.

Рафаэль Хадиевич погладил свою лысину, которую в шутку называл «румянцем юности», собрался, было, распрощаться, но я остановил его. А девушка, разглядывая Такташа, с которым, очевидно, была шапочно знакома, обращаясь к нему, восторженно заметила:

— Рафаэль Хадиевич! Вы так похожи на Солженицына... Вам никто об этом не говорил?

Мэтр подумал и ответил с гордостью:

— Нет, я татарин!

В этой философской фразе был весь Рафаэль Хадиевич. Он недолюбливал писателя-«мессию», приложившего немало сил и энергии к разрушению некогда могущественного государства.

Рафаэль Хадиевич вскоре ушёл. А у меня с писательницей почему-то не склеилось разговора.

Одной из последних работ Рафаэля Хадиевича явилась объёмистая книга «Художники о своём творчестве». На презентации этого труда мэтр-искусствовед процитировал слова художницы Гончаровой: «Всё лучшее, что есть в Европе, пришло с Востока», далее он продолжил: «Интерес России к искусству Востока прекрасно выражен в полотнах П. Кузнецова, К. Петрова-Водкина, Р. Фалька, многих других русских художников, которые приезжали в Самарканд, в Бухару и Хиву, как в Мекку, чтобы поклониться великой культуре».

Эпистолярная деятельность Рафаэля Хадиевича ещё при жизни была высоко оценена культурной общественностью республики и его правительством. Он стал доктором искусствоведения, профессором, академиком Академии художеств Узбекистана, лауреатом ряда престижных премий.

г. Ташкент

Страницы истории

Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук,
Шамиль Шарафутдинов,
главный специалист архива РТ

Опираясь на «Декларацию прав народов России» от 2 ноября 1917 г., подписанную «именем Республики Российской» председателем СНК В. И. Лениным и наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным, в которой провозглашались «равенство и суверенность народов России», была предпринята попытка создания Идель-Уральского штата, как составной части Российской Федерации. Декларацию намечалось провозгласить 1 марта 1918 года. Однако накануне этого события руководство Военного шуро, во главе с Ильясом Алкином, было арестовано. Следует отметить, что к этому времени Вошуро имело в своем распоряжении более 50 тысяч штыков в Казани и Уфе.

Своеобразной политической уловкой в области национально-государственного строительства стала разработка Центральным мусульманским комиссариатом при Наркомнаце Положения о Татаро-Башкирской Советской республике. Наркомнац издал декрет о ликвидации Харби шуро (Военного совета). Оба документа были подписаны наркомом по делам национальностей И. В. Джугашвили-Сталиным и комиссаром по делам мусульман Внутренней России Мулламуром Вахитовым. Следует подчеркнуть, что и Мулламур Вахитов, и Мирсаид Султан-Галиев в это время верили в большевиков, в искренность их вождей, с которыми они близко общались. Так, в речи на совещании в Москве по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики М. Вахитов выражал глубокую благодарность В. И. Ленину и И. В. Сталину за принятие указанного положения, заявив, что «мусульманский пролетариат жизнь свою не пожалеет для защиты завоеваний Октябрьской революции».

Однако 19 мая 1919 года Совнарком и ВЦИК приняли декрет «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики». Таким образом, в повестку дня был вынесен вопрос о создании отдельной от Башкирии Татарской Республики. И в этом деле М. Султан-Галиев принимает активное участие.

М. Султан-Галиев после гибели М. Вахитова в августе 1918 г., став председателем Центрального мусульманского комиссариата, вплотную занялся вопросами национальной государственности татар и башкир. Прекрасно зная социально-экономическое положение Уфимской и Казанской губерний, представляя родство татар и башкир, имеющих почти единый язык и общую культуру, понимая, что невозможно их разделить без ущерба друг от друга, Султан-Галиев считал оптимальным вариантом создание единой республики и предпринимал действия по реализации Положения о ТБССР, утвержденного декретом Наркомнаца от 22 марта 1918 г. От этой идеи он не отказался и после образования Башкирской АССР (Малой Башкирии).

Однако теперь на повестке дня стоял вопрос о создании отдельной от Башкирии Татарской республики. Как член комиссии Совнаркома Султан-Галиев участвовал в составлении проекта Положения о Татарской АССР. После образования республики он в 1920 и 1922 гг. избирался в состав Центрального исполнительного комитета Советов ТАССР.

25 мая 1920 г. на заседании Совнаркома РСФСР М. Султан-Галиев был назначен членом коллегии Народного комиссариата по делам национальностей.

Центральный мусульманский комиссариат, возглавляемый М. Султан-Галиевым, после образования Татарской АССР, был преобразован в Татарский отдел Наркомнаца. В этом отделе было создано представительство Татарской республики при Наркомнаце. Султан-Галиев, являясь заведующим Татарским отделом, председателем представительства Татарской АССР и членом коллегии Наркомнаца, имел возможность близко общаться со Сталиным, которого уважал. И Сталин, по всей вероятности, ценил в нем широкую эрудицию, аналитический ум, деловитость, принципиальность, организаторские способности, высокий авторитет у работников восточных республик. Чем ближе узнавал Султан-Галиев Сталина, тем сильнее охватывало его чувство разочарования, являясь становилось расхождение во взглядах по принципиальным проблемам решения национального вопроса. Это расхождение во взглядах проявилось в ходе дискуссий по национальному вопросу в период образования Союза ССР. Сталин никогда не прощал своих оппонентов. Так было и в случае с М. Султан-Галиевым. Еще летом 1922 г.

при помощи секретаря ЦК партии и председателя ЦКК В. В. Куйбышева Сталин пытался вывести Султан-Галиева из состава коллегии Наркомнаца. Его направили на работу в Закавказье, но по ходатайству представителей ряда автономных республик и областей РСФСР в сентябре 1922 г. отозвали из Кавказского бюро ЦК РКП (б) в Наркомнац и восстановили членом коллегии.

На XV Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. Сталин, выступая с докладом об объединении советских республик, подчеркнул, что в СССР входят РСФСР, Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Украина и Белоруссия, и только они являются субъектами СССР. На заседании фракции РКП (б) Султан-Галиев говорил о необходимости непосредственного вхождения в СССР и автономных республик, входящих в РСФСР и ЗСФСР, о целесообразности создания института полномочных представителей автономных республик в ЦИК и СНК СССР, отметив, что деление наций на настоящих сыновей и на пасынков — явление ненормальное.

О повышении статуса автономных

В поисках равноправия

республик, предоставлении им права быть субъектами СССР говорили и другие делегаты. Однако под давлением Сталина эти предложения приняты не были.

На XII съезде РКП (б) (17-25 апреля 1923 г.) в докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве Сталин свел решение национального вопроса лишь к созданию в ЦИК Советов СССР наряду с союзной палатой палаты национальностей. На заседании национальной секции съезда доклад Сталина рядом делегатов был подвергнут критике. «По моему мнению, — говорил Султан-Галиев, — та постановка вопроса, которая предлагается тов. Сталиным, не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его кардинально».

Это выступление Султан-Галиева вывело Сталина из себя. И он решил расправиться с ним. Уже 4 мая 1923 г. партколлегия ЦКК без приглашения на заседание Султан-Галиева, не заслушав его, вынесла решение об исключении его из партии, снятии со всех государственных и партийных должностей «как антипартийного и антисоветского элемента» и передаче его дела для доследования в ГПУ. Он был арестован и препровожден на Лубянку.

Много лет спустя Л. Д. Троцкий в своей книге «Сталин» привел следующие слова Л. Б. Каменева об этом эпизоде: «Помните арест Султан-Галиева в 1923 г., это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови...»

Арест Султан-Галиева вызвал недоумение на местах. Как только слухи об этом дошли до Казани, группа руководящих работников республики написала «письмо 39-ти» в ЦК партии о том, что если действительно арестован Султан-Галиев, то это чистейшее недоразумение, и просила его освободить. После подтверждения факта ареста руководителя ТАССР и видные деятели республики написали второе письмо, в котором настоятельно просили ЦК освободить Султан-Галиева и передать его им на поруки.

В дальнейшем все подписавшие эти письма подверглись репрессиям.

По инициативе Сталина было созвано Четвертое совещание ЦК РКП (б). Первым пунктом в повестке было рассмотрение «Дела Султан-Галиева». В докладе В. В. Куйбышева, составленном при участии Сталина, Султан-Галиев необоснованно представлен врагом Советской власти.

Физическая ликвидация Султан-Галиева тогда еще не входила в планы Сталина. Первоначально важным было политическое уничтожение. В конце своей речи Сталин сказал: «Я и до совещания говорил и теперь утверждаю, что тов. Куйбышев прав, думая, что его надо освободить. Человек признался во всех своих грехах и раскался. Из партии он изгнан и в партию, конечно, не вернется...».

Сталин на примере Султан-Галиева хотел преподать урок другим оппонен-

М. Султан-Галиев с женой Фатимой Ерзиной

там по национальному вопросу и тем самым укрепить свои позиции. Только этим можно объяснить то, что стенограммы совещания в срочном порядке была отпечатана в виде книги с грифом «Строго секретно» и разослана в партийные организации. И на местах были организованы подобные совещания, на которых принимались резолюции с осуждением Султан-Галиева. В Казани, такое совещание состоялось 19-21 июля 1923 г. Проходило оно под председательством начальника Татарского отдела ГПУ С. Шварца.

В 1928 г. было сфабриковано новое дело — о «султан-галиевщине» как агентуре международного империализма. М. Султан-Галиева вновь арестовали. Арестовали также многих лучших представителей татарской, башкирской, крымско-татарской интеллигенции. По количеству привлеченных к суду эти процессы превосходили даже печально известные политические процессы 1936-1938 гг. В 1930 г. М. Султан-Галиева приговорили к расстрелу, через полгода заменили эту меру на 10 лет тюрьмы. В 1934 г. досрочно освободили. В 1937 г. вновь арестовали, подвергли жесточайшим физическим пыткам и 28 января 1940 г. расстреляли. Таким образом, видный государственный деятель, выдающийся мыслитель Мирсаид Султан-Галиев стал первой жертвой сталинского режима только за то, что отстаивал равноправие народов страны, ратовал за повышение статуса автономных республик, хотел видеть СССР союзом истинно суверенных республик и осмелился критиковать дискриминационную сталинскую национальную политику. В сталинских застенках погибли также жена и двое детей М. Султан-Галиева, его близкие соратники М. Бурундуков, А. Ембаев, К. Мухтаров, Р. Сабилов, Ш. Усманов, И. Фирдевс и другие. Однако политические битвы по национальному вопросу еще не закончились.

После XX съезда КПСС 1956 г. многие султан-галиевцы были реабилитированы. Но как только речь заходила о самом лидере движения и его ближайших соратниках, следовал отказ: «был и остается врагом». Лишь в 1990 г. М. Султан-Галиев и его соратники, по представлению партархива Татарского обкома партии и после тщательного изучения многолетнего «дела» правоохранительными органами, были реабилитированы полностью. Все предъявленные к ним обвинения были признаны сфабрированными.

В возвращении доброго имени М. Султан-Галиева большую роль сыграли выступления казанских ученых И. Р. Тагирова, Б. Ф. Султанбекова, М. И. Абдуллина, И. Г. Гиззатуллина, Р. С. Хакимова, Д. Р. Шарафутдинова и исторический роман писателя Рината Мухаммадиева.

Первое издание сборника трудов М. Х. Султан-Галиева на английском языке было осуществлено А. Беннигеном. Политическая биография М. Султан-Галиева была раскрыта в сборнике очерков профессора Б. Ф. Султанбекова. Заметным явлением в изучении биографии

выдающегося деятеля национального движения являлась книга А. В. Сагадеева «Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения: Научно-аналитический обзор».

Каково же основное содержание духовного наследия М. Султан-Галиева? В статьях, опубликованных до 1917 г., им рассмотрены главным образом вопросы культуры и народного образования у татар.

С 1918 г. М. Султан-Галиева занимает национально-колониальный вопрос. Глубоко изучив эту проблему, он в конце 1917 — начале 1918 гг. выдвигает важное в теоретическом и практическом отношении положение об угнетающих и угнетенных народах, неоднократно возвращается к нему. К угнетенным он относил народы колоний и полуколоний, в том числе наиболее отсталые в те времена мусульманские народы Востока. К угнетателям отнесены народы метрополий, богатства которых созданы потом и кровью малых народов. Западноевропейский рабочий класс, будучи одним из потребителей тех богатств, которые империалистическая буржуазия получала в результате эксплуатации колоний, отнесен косвенно М. Султан-Галиевым и к угнетателям. Отсюда вытекало другое, не менее важное положение о неготовности западноевропейского пролетариата к социалистической революции, ибо капиталисты этих стран имели возможность удовлетворять экономические требования своих рабочих за счет получаемых из колоний богатств и подавлять возможные революционные настроения в зародыше. Это положение было выдвинуто М. Султан-Галиевым тогда, когда большевистские лидеры иллюзорно ожидали со дня на день подъема социалистического выступления западноевропейского пролетариата. Готовым к социалистической революции Султан-Галиев считал угнетенный Восток при условии ликвидации его колониальной зависимости. Поэтому антиколониальную революцию он считал очень важным общенациональным делом. По его убеждению, нация, стремящаяся к независимости и созданию своего государства, не имеет права раскалываться на классы и партии, только единство национальных революционно-демократических сил — верная гарантия победы.

Идея единства национальных революционно-демократических сил должна была стать основополагающей в борьбе против колониализма и империализма. Вот почему Султан-Галиев признан отцом революции Третьего мира.

Султан-Галиев имел свой взгляд на казавшееся аксиомой ленинское определение империализма, как высшей стадии развития капитализма. Он не согласился с тем, что империализм как экономическая и политическая категория свойственна лишь определенной, монополистической стадии капитализма, считая, что он присущ капитализму вообще, независимо от стадии его развития. Он допускал возможность в теории и на практике осуществление феномена социалистического или коммунистического империализма.

С болью в сердце М. Султан-Галиев констатировал, что победа революции и создание СССР не прервали империалистического развития России. Вот почему будучи глубоко убежденным в крахе империи как таковой, он утверждал, что СССР есть видоизмененная, но империя, и предсказал, что это образование непрочно и со временем перестанет существовать. В результате лицемерной национальной политики установилось ранжирование национальностей и их государственных образований.

Султан-Галиев подвергал сомнению и сердцевину марксизма — идею о диктатуре пролетариата и классовой борьбе. Он считал, что замена диктатуры буржуазии диктатурой другого класса, имея в виду пролетариат, ни к чему хорошему не приведет. Время доказало его правоту.

Идеи Султан-Галиева получили широкое распространение во всем мире. Они особо популярны в странах, включившихся в национально-освободительное движение с целью порвать цепи колониальной зависимости и уже добившихся успеха.

Всестороннее и объективное изучение проблемы политической борьбы по национальному вопросу в 1920-е гг. представляет не только научный, но имеет и практический интерес в плане разграничения положительного и негативного опыта в проведении национальной политики в условиях формирования действительно федеральных отношений в России. Эти проблемы, поставленные еще в прошлом веке, могут оказать влияние и на развитие России в течение всего XXI столетия.

Дина АЛЯУТДИНОВА

Я выполнил завет матери

В один из летних дней 49-го года в московских Сокольниках был шум во дворах: «Слышали, татаркин сын золотую медаль получил?!» Впоследствии «татаркин сын» не только с отличием окончил один из самых престижных вузов нашей страны, но стал доктором исторических наук и профессором. Его имя известно в научных кругах России и зарубежья. Он активный деятель татарской общины Москвы. Благодаря своим зарубежным связям, он многое сделал для возвращения честного имени Мусы Джалиля и его соратников.

Это Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян – почетный профессор МГИМО(У) МИД России, заслуженный деятель науки РФ, почетный член Академии наук Татарстана. Автор ряда фундаментальных работ по истории международных отношений и дипломатии. Немалая часть его трудов посвящена российско-германским отношениям. Только в этом году Абдулхан Абдурахманович выступил составителем двух книг – «Великая Отечественная война: происхождение, основные события и исход» и «Провал операции «Шаровая молния». В этом году вышла в свет его книга «Объединение Германии. Обстоятельства и последствия».

Абдулхан Ахтамзян поражает своими энциклопедическими знаниями в области истории, политики и литературы, мудростью и удивительной скромностью. Он выполнил завет матери, которая с детства повторяла ему: «Укы, улым». К сожалению, она не смогла увидеть, каких профессиональных высот достиг ее сын – Хадича апа ушла из жизни рано, когда сын еще учился в институте. Но еще больше она гордилась бы тем, что, несмотря на все жизненные трудности, порой несправедливости, он остался добрым, внимательным, интеллигентным человеком.

10 декабря Абдулхану Абдурахмановичу исполняется 80 лет. Он из тех людей, про которых говорят: сам себя сделал. В преддверии юбилея профессор Ахтамзян дал «Татарскому миру» интервью, где рассказал о своем трудном детстве и формировании самого себя.

– Абдулхан Абдурахманович, где вы родились, кто были ваши родители?

– Я родился в Москве, в Сокольниках, в конце 1930 года. Семья моей матушки пришла в столицу в голодные 20-е годы из Татарстана, деревни Каенлы. Мать в родной деревне похоронила двух своих малолетних детей, они умерли от голода. В Москве их приняли, дали работу на ферме, за Преображенкой. Бабушка уже была больна тифом, она умерла в Бахрушенской больнице,

ее тело даже не отдали родственникам, чтобы похоронить – она поконит где-то на Семёновском кладбище.

Потом матушка работала на фабрике «Красный богатырь», где делали галоши. У нее в трудовой книжке так и было написано: галошница. От фабрики ей выделили комнату в коммунальной квартире. В 1924 году у матушки родилась дочь – моя старшая сестра Халиса, а через шесть лет появился я. Отец был из Нижегородской области, он ушел из семьи, когда мне было 3-4 года. Но отношения мы поддерживали. Отец работал водителем, частенько катал меня на своей машине, угощал конфетами и пряниками. Помню, что купил мне двухколесный велосипед.

Матушка работала всю жизнь. Умерла очень рано. Она неважно говорила по-русски, со мной общалась только на татарском. Именно благодаря матушке я с детства освоил структуру, чувство языка. Поэтому татарский язык для меня не просто «туган тел», а «ана теле» – в полном смысле этого слова.

– Как складывались ваши отношения с соседями?

– Соседями была семья Юкиных, муж – сын замоскворецкого купца, большой англофил, его жена – Елизавета Васильевна – гордилась своим дворянским происхождением. А матушка моя в 1925 году вступила в коммунистическую партию. Понять ее я могу: советская власть спасла их от голодной смерти. Но отношения у нас были хорошие. Русский язык я освоил благодаря им. У Юкиных была престарелая работница-немка Александра Гош, мы с ней общались, когда оставались в квартире одни. Именно она научила меня начальным ступеням немецкого языка.

– Вы были активным ребенком?

– Активным, но не хулиганистым. Я хорошо учился в школе. Никакой даже подоби дискриминации в начальных классах я не испытывал. В те времена интернационал был по существу. Похвальный лист я тогда получил с портретами Ленина и Сталина. Принимал активное участие в самодеятельности Клуба Русакова. Там познакомился со спектаклями «Галиябану», «Голубая шаль». Их ставили татары, которые работали на фабрике «Красный богатырь», «Электрозаводе» и Метрострое. Мало кто знает, что при строительстве метро в Москве всю черную работу под землей в основном делали татары-лимитчики.

Кстати, я был в числе первых пассажиров московского метрополитена. Маме на работе дали пригласительный билет на первый рейс на 2 мая 1935 года. Мы прокатились от Сокольников до Парка культуры и обратно. Мне было всего четыре с половиной года, но эта поездка запомнилась хорошо. Метро тогда было образцовым в смысле чистоты, культуры и даже обслуживания.

– Вы бывали в родной деревне вашей мамы?

– Не только бывал, но и жил в самые трудные военные годы. Деревня Каенлы, как и весь Татарстан, приняла и приютила семьи эвакуированных из Москвы и Ленинграда, да и из многих регионов западной части страны. Где бы я не бывал, а мне довелось повидать десятки стран Европы, нигде я не чувствовал себя так вольно и естественно, как в Каенлы. Именно там зародилось в моей душе и осталось в памяти щемящее чувство родного, национального, чистого: запах сена и конского пота, запах свежего, прямо из печки, хлеба, запах теплого парного молока, мычание коров...

В Каенлы я учился в татарской школе. Именно тогда выучил наизусть сказку Тукая «Шурале» и даже прочитал ее вслух на экзамене, за что получил высокую оценку по родному языку и литературе. По итогам учебного года мне вручили награду – книгу Идриса Туктарова, изданную в 1941 году. Я храню ее как реликвию.

– Деревенские дети во многом более ответственные, чем городские, много знают и умеют в житейском плане. Чему вы научились в деревне?

– Жизнь в Каенлы меня многому научила. Сельские жители всегда обеспечивают себя сами. Этому почему-то не понимают горожане. Летом они трудятся в поле. Зимой заботятся о тепле и еде, причем не только для своей семьи, но и скота. Мы, городские ребята, приехали в деревню в ботиночках, которые вскоре износились, и нам пришлось надеть галоши, а потом и лапти. Я научился сажать и выращивать овощи, вырастил даже табак, который потом превратили в махорку, и арбуз.

Мне первое время не хватало опыта сельской жизни. Как-то бригадир мне, 12-летнему, поручил бороновать кусок вспаханного поля. На конном дворе меня посадили на большую, тощую лошадь рыжей масти и сказали, что бороны и хомут с постромками оставлены в поле. Прибыв на место, я стал запрягать кобылу. Роста моего оказалось недостаточно, чтобы надеть хомут на лошадь, которая, хоть и вела себя смирно, но не хотела наклонить свою гордую голову. Наконец мне удалось изловчиться я, подпрыгнув, набросить на нее хомут. Затем я пристегнул постромки и пошел по борозде за лошадей, помня, что с бороной надо обращаться осторожно. Когда я подошел к дороге, где надо было повернуть, один бабай увидел нас, слез с телеги и, подойдя ко мне, остановил работу. Он заметил, что войлочная прокладка хомута оказалась снаружи, а деревянные части – на шее лошади. Бабай исправил ошибку, сел в телегу и уехал. Этот урок агротехники я запомнил на всю жизнь.

– Драматизма, думаю, особенно в годы войны, было немало.

– Так получилось, что курьезы и драматические эпизоды, запомнившиеся из деревенской жизни, связаны с лошадьми. Весной 1943 года в Каенлы стали отбирать для фронта молодых породистых лошадей. В их числе оказалась молодая кобылица, серая в яблоках, еще кормившая молоком жеребенка. Ей выжгли тавро на крупе и погнали куда-то на сборный пункт. К нашему изумлению, через день-два кобылица появилась у колхозного конного двора. Она заржала так громко, что ее услышала чуть ли не вся деревня. Лошадь снова забрали. И уже навсегда. Ее жеребенок Челкаш был любимцем детворы.

– Ваша семья жила в Каенлы до конца войны?

– Нет, в январе 1944 года мы ушли из деревни. С колхозного склада нам перестали продавать муку. Семейные ресурсы были исчерпаны, поэтому матушка приняла решение вернуться в Москву. В лютый мороз, воспользовавшись санями, выделенными колхозом для доставки мобилизованных на «трудовой фронт» девушек до станции Кукмор, мы отправились в путь. С собой взяли мешок махорки, выращенный мной, мешок пшена и маленький мешочек соли. Пожитки положили в сани, а сами шли пешком. Спасением было пшено, которое сыпали стаканами прямо в карман тем, кто помогал нам в дороге. И сами им питались. Путь, который нынче можно преодолеть в течение суток, мы с большими трудностями преодолели за три недели.

– Как вас встретила Москва?

– В Москву добрался 23 февраля 1944 года. Мама устроилась дворником, я ей помогал, сестра работала на «Электрозаводе». В начале нового учебного года я столкнулся с издевательствами в школе. Такого отношения к себе я больше никогда в жизни не видел. Словесница на первом же уроке сказала:

«Ну-ка, посмотрим, что расскажет нам этот татарчонок про Вольгу и Микулу?!» Естественно, у меня не было ответа. В Каенлы я учился в татарской школе, был отличником, а тут... Как раз в 44-м году вышло постановление по поводу эпоса «Идегей», заклеямили Татарию, историю татар и сам народ. И учительница, конечно же, об этом знала.

– И вы решили уйти из школы?

– Я всегда был очень болезненным ребенком. Переболел всем, чем только можно. И осенью 44-го я подхватил очередную болезнь – ноги покрылись синими пятнами, тяжело ходил, трудно было даже дышать. В один из дней, дошел до поликлиники. Хорошо помню, что когда вошел в кабинет врача, ее звали Глафира Ивановна. Она спросила: «Ты зачем обувь снял?!» — «Я так пришел», — отвечаю я. Она выглянула в окно – снег идет. У нее аж пенсне на серебряной цепочке упало с носа. Глафира Ивановна написала записку и, поставив в регистратуре штамп, велела мне идти в райисполком. Там мне выдали ордер на ботинки на деревянном ходу и велели прийти через месяц за ордером на пальто. Вскоре меня включили в группу детей, направленных в Евпаторий. В освобожденный Крым, к морю, целый эшелон московских ребятшек отправили. Это было проявлением заботы государства о детях, трудовых резервах.

Вернувшись из Крыма, я пошел на завод, так как возвращаться в школу желания не было никакого. 6 марта 1945 года, в 14 лет, появилась первая запись в моей трудовой книжке. На заводе работал до 1949 года. Сначала учеником слесаря, затем слесарем, получил 4 разряд. Потом меня взяли в бюро технической документации, где я печатал на светокопировальной машине чертежи, в том числе немецкие трофейные. Параллельно учился в школе рабочей молодежи, которую окончил с отличием.

– Почему ваш выбор пал именно на МГИМО?

– Изначально я хотел учиться в Институте Востоковедения. Тогда медалистов принимали без экзаменов. Пришел в институт, написал заявление с просьбой принять меня на факультет с арабским языком. Тетя в чине майора, тогда в кадрах всегда сидели от соответствующих органов НКВД, сказала: «Мы татарам арабский не даем». — «А какой вы им даете?» — спросил я. — «Монгольский». Тогда я вспомнил об увиденном в школе объявлении, в котором говорилось, что впервые объявлен прием в Институт международных отношений. Туда я успешно и поступил. На 4 курсе стал стипендиатом и старостой курса. За все время обучения имел всего одну четверку.

После окончания МГИМО по специальности историк-международник Абдулхан Ахтамзян продолжил учебу в аспирантуре. Еще аспирантом в 1957 году начал педагогическую работу в родном институте. В 1983 году получил дипломатический ранг советника 1-го класса.

Особенность исследовательской работы доцента, а с 1975 года профессора А.Ахтамзяна – изучение оригинальных исторических источников в архивных фондах России и зарубежья. В общей сложности он выявил и ввел в научный оборот тысячи ранее неизвестных документов.

На протяжении более четверти века профессор А.Ахтамзян активно работал в обществе СССР-ФРГ, был вице-президентом общества дружбы и культурных связей России и Австрии. В 90-х годах был сопредседателем Лиги российско-германской дружбы.

– Абдулхан Абдурахманович, вы гордитесь вашими студентами?

– Я рад, что некоторые мои студенты после защиты дипломной работы развиваются дальше. Сейчас на защиту идет мой 25-й аспирант. Пять студентов стали докторами наук. Некоторые из них работают в нашем институте. Несколько сот человек писали у меня дипломные работы. Мои студенты стали посланцами в Берлине, Швейцарии, Австрии и других странах. Наш вуз действительно дает серьезное образование, разумеется, если человек сам

прилагает усилия.

– В этом году у вас два юбилея: 80-летие со дня рождения и 65-летие трудовой деятельности. А в следующем году исполнится 55 лет вашей совместной жизни с вашей женой Халидой Каюмовной. Где вы с ней познакомились?

– На татарском концерте. У нас двое детей – сын Ильдар и дочь Наилья: Ильдар стал доцентом МГИМО, Наилья – кандидат политологии, работает научным сотрудником МГУ. Трое внуков. Так что посещать татарские концерты полезно.

Халида Каюмовна окончила факультет журналистики МГУ имени М.Ломоносова. Дипломную работу по довоенному творчеству Мусы Джалиля она написала, используя фонды Ленинской библиотеки. По окончании университета работала в различных журналах, у нее было много публикаций.

– Абдулхан Абдурахманович, вы хорошо знаете русскую литературу. А как относитесь к современной?

– Современные авторы не отражают действительность. Как историк я критично отношусь к художественному изображению жизни. Для меня русская классическая литература – и образование, и культура, и языковое развитие. Татарскую литературу знаю слабо, разве что поэзию. Люблю читать мемуарную литературу. Иногда с большим удовольствием перечитываю Салтыкова-Щедрина, Айтматова, с которым не раз приходилось общаться лично.

– Что вы считаете своим жизненным достижением?

– Я понимал, что только трудом смогу достичь чего-то в жизни. Рад, что в свое время поступил именно в МГИМО, где проработал всю жизнь. Искренне признателен коллективу института. Родному вузу я обязан многим, можно сказать, всем.

Мне не стыдно за мою работу. Моя кандидатская была написана на основе изучения трофейных германских документов. А вот монография «Рапалльская политика», об отношении России и Германии с 1922 по 1932 годы, – результат изучения в 1971 году в архиве министерства иностранных дел Германии 50-ти томов документов, которые, как говорят историки, введены мною в научный оборот.

Я не сожалею о том, что во многих коллективных книгах, в отдельной брошюре рассказал о Ленине и его дипломатической деятельности. Убежден, это была гениальная страница во внешней политике. Страна была выведена из развала и разрушения. Большевики спасли империю, превратив ее в Советский союз.

Развал Советского Союза – для меня личная трагедия. Не на многое мы могли рассчитывать тогда, но самое необходимое у нас было. В 1961 году наша семья от МИДа получила комнату в доме на Смоленской площади, потом от работы Халиды Каюмовны нам дали квартиру, где живем и сейчас. Ну а если учесть, что жилье получила моя матушка, прийдя в Москву в 20-е годы из далекой татарской деревни, то у меня нет основания жаловаться на Советский Союз. Доступно ли жилье сегодня молодым семьям?

– Знаю, что у вас готовы к изда-нию еще две книги...

– Готова книга биографического характера и еще одна под названием «Татары и русские. Многовековая общность судьбы». Но, к сожалению, нет издателя. Мне очень хотелось бы, чтобы моя книга «Муса Джалиль и его соратники в Сопротивлении фашизму» была издана и на татарском языке.

Каждый разумный человек стремится приобщиться к достижениям мировой культуры. А это возможно лишь через развитие собственной национальной культуры. Смысл культуры – продолжение жизни общества, нации. Профессор Абдулхан Ахтамзян склонен считать в соответствии с народной, да и научной этимологией, что русское слово «наука» происходит от татарского (тюркского) слова «уку», то есть чтение, познание. Служение национальной и мировой науке он считает достойным занятием и целью жизни. Это отвечает и традициям мусульманской культуры. Историческая мудрость гласит: «Белганнар белән белмәгәннәр бер тигез булалар?»

С любовью о Башкортостане

О Буздяке и Буздякском районе, что в Башкортостане, впервые я услышал во второй половине 80-ых годов прошлого столетия в Москве из уст легендарного военачальника, участника Гражданской и Великой Отечественной войн Якуба Чанышева. После долгой беседы в его квартире на Старой площади столицы при расставании он посоветовал:

- Ты обязательно посети наш Буздяк. Это удивительно красивый и богатый край. Богатый своей историей и людьми, конечно. Прежде всего, людьми...

Я дал слово генералу, посетить обязательно милые его сердцу края.

Якуб Джангирович, провожая меня у порога своей квартиры, счел необходимым повторить ещё раз: «Ты обязательно посети Буздяк, не пожалеешь...»

С той исторической встречи с легендарным полководцем Отечества много времени прошло, много воды утекло. Судьба так распорядилась, что я действительно посетил Буздяк, и не один раз. И оказалось, что Буздяк – это малая Родина моих давних приятелей - талантливого режиссера Рината Сакаева и неповторимой телеведущей Ирки Сакаевой, с которыми в своё время мне посчастливилось работать в казанской студии телевидения в одном коллективе.

При каждом посещении Буздяка я находил там надежных друзей и новых знакомых. Героем одного из моих произведений, а именно романа «Взлететь бы мне птицей...», стал незаурядный сын Буздяка летчик-испытатель Рафаэль Смаков. Самые добрые воспоминания у меня остались и от посещения населённых пунктов района Килем, Тауларово и Новый Актау.

В районе, на счёт происхождения топонима населённого пункта Буздяк, бытуют самые разные мнения и точки зрения. Все они имеют право на существование. Однако я в свою очередь уверен, что топоним Буздяк происходит от древнетюркского названия рода «Буздагъ», то есть «ледяная гора». А по соседству расположен Чакмагушский район, что с древнетюркского переводится как «огненная птица». И это неспроста, топонимы дают основание считать, что земли эти с древнейших времен являлись колыбелью тюркских племён – прародителей нынешних башкир и татар.

А уже значительно позже, в конце 18 – в начале 19 веков, сюда к своим гостеприимным башкирским братьям переселились знатные роды из темниковских и касимовских татар, большинство из которых обладали титулом мурз и князей, то есть «чабатылы князьлар» называли их в народе. Это Кудашевы и Акчурины, Терегуловы и Мамлеевы, Чанышевы и Сакаевы, Чанбарисовы и Дашкины, Янбухтины, Кутуевы и многие другие. И династия волостного старшины Смакова Масалима, род известных на весь мир учёных и педагогов Нигматулиных, так же из этих мест.

Буздякская земля дала миру много талантов, внесших значительный вклад в науку, культуру и искусство не только Башкортостана, но и всей страны. Выходцами района являются три лауреата премии имени Салавата Юлаева, а именно: писатели Хаким Гиляжев, Абдулла Гиляжев и замечательная башкирская поэтесса Факия Тугузбаева. Из этих мест и яркая, неповторимая поэтесса Фания Чанышева, народные артисты Башкортостана Закия Арсланова, Хусаин Кудашев и самобытные художники Шайхутдиновы. В селе Килем родился и вырос восходящая звезда татарской эстрады Филос Кагиров.

Так я, спустя десятилетия, понял смысл тех слов, которыми меня напутствовал легендарный генерал Якуб Чанышев.

Не случаен, наверное, и тот факт, что именно на земле Буздяка в селе Килем был создан в своё время уникальный дворец и усадьба генерал-губернатора Оренбургского края Тевкилева. Усадьба эта по своему расположению и размаху, напоминающая в чем-то знаменитый Версаль, была в последние годы восстановлена и Указом президента Республики Башкортостан объявлена татарским историко-культурным центром.

Моя очередная командировка в Башкортостан вновь совпала с важным событием, а именно 100-летием села Буздяк и 80-летием со дня образования Буздякского района. На этот раз из Москвы приехал я не один, а вместе с уроженцами Буздяка, членами правления Некоммерческого партнерства «Ватаным»: известным на всю страну строителем Ринатом Кудашевым и заместителем Верховного Суда РФ в отставке Ринатом Смаковым. Самые добрые пожелания привезли мы своим землякам и от прославленного сына Буздяка Анвара Чанышева.

Буздякский район расположен в одном из самых живописных уголков Башкортостана. Необычайно красивая природа, десятки рек, озер, родников и водоёмов, привольные степи и луга Чермасана, лесные чащи придают краю особую неповторимость. Вся эта красота навсегда остаётся в душе каждого, кто хоть раз побывал в этих краях.

Район образован в 1930 году, занимает 1709 квадратных километров. Граничит с Благоварским, Чакмагушевским, Шаранским, Туймазинским, Давлекановскими районами. В районе на 76 населённых пунктов проживает около 35 тысяч человек.

В годы Великой Отечественной войны буздякцы героически проявили себя на фронте и в тылу. В памяти поколений навсегда остались имена Героев Советского Союза Анвара Фаткуллина, Муллаяра Сыртланова, Гумера Миннибаева, Файзуллы Габдрашитова. Более

3900 буздякцев остались на полях сражений, 900 воинов за мужество и отвагу награждены орденами Красного Знамени. В честь погибших во всех муниципальных образованиях воздвигнуты памятники и обелиски, к 60-летию Победы была сооружена «Аллея Героев» в Комсомольском парке райцентра.

Сегодня Буздякский район - один из экономически развитых и стабильных в Республике Башкортостан. На полях выращиваются практически все сельскохозяйственные культуры. Аграрный сектор представлен коллективными и фермерскими хозяйствами. В Буздяке расположен один из крупнейших в регионе элеваторов. В районе ведётся интенсивное строительство. Ежегодно вводится более 9 тысяч квадратных метров жилья. Только в последние годы построены новая поликлиника,

историческому прошлому центральным элементом герба района выбраны два журавля, в знак, что духовный опыт народа, приобретенный и умноженный веками, передан потомкам. Изысканная элегантная внешность, удивительно музыкальный голос, особое чувство собственного достоинства и благородства делают журавлей культовой фигурой. Весенние перелёты журавлей стали символом духовного и телесного возрождения. Журавль ассоциируется с долголетием. В то же время, два обращённых друг к другу в торжественном танце журавля олицетворяют продолжение жизни, а также стремление к совершенству.

На торжественном собрании в честь юбилея Буздяка состоялось вручение дипломов о присвоении звания Почётный гражданин района М.М.Ягафарову, Ш.Х.Сакаеву, Ф.Ш.Башарову (посмертно).

Вручая им дипломы, глава администрации муниципального района Р.А.Хазиев отметил, что все они своим трудом, жизненным опытом и личным примером внесли огромный вклад в развитие района. Они не только настоящие труженики и патриоты своей земли, но и за-

Праздник в Буздяке

мечательные люди, отличные отцы семейств.

Поблагодарив буздякцев за высокую оценку их труда, долгие годы возглавлявший районное руководство Магасум Мутагарович Ягафаров с гордостью сказал: «Вместе с вами одними из первых в республике мы завершили газификацию населённых пунктов. Построили этот Дворец культуры, десятки социальных объектов. Я с удовлетворением вспоминаю годы, прожитые в Буздякском районе».

А Шарифьян Хасанович Сакаев почти полвека в родном районе работал шофером.

- Нам пришлось работать в нелёгких условиях, но всегда для нас, такие понятия, как добросовестный труд, честь, порядочность были превыше всего, даже собственного благополучия, - отметил он.

Башарову Фидай Шарифьяновичу пришлось руководить районом,

когда многое начиналось с нуля, с «колышка». Организаторский талант, упорство, умение найти с людьми общий язык помогли ему не только восстановить район,

но и вывести его в число лучших в республике. Его награду получила дочь Эльмира, и со слезами на глазах поблагодарила земляков за высокую оценку труда отца. Разделить эту радость в Буздяк приехала и свекровь Эльмиры, мать Президента республики Раиса Синиятулловна Хамитова. «Мы в 90-е годы с мужем Заки часто приезжали в Буздяк к сватам, - вспоминала она. - А сегодня его и не узнать, так много построено и сделано...» Кстати, те, кто в 70-80-е годы учился в БСХИ, конечно, хорошо знают и помнят чуткого к студентам декана факультета механизации Заки Салимовича Хамитова.

Даже в день праздника мы всюду ощущали задумчивость и напряженность в лицах сельских тружеников. И совсем не случайно. Так как прошлое лето осталось в их памяти невиданной ранее засухой. Засуха потребовала больших расходов, дополнительной работы и напряженности. Исходя из уроков природных катаклизмов, руководители и специалисты хозяйств теперь серьезно задумываются о том, каким культурам следует отдавать предпочтение, какие агротехнические новшества следует применять при их возделывании. А главное - какова роль животноводства в сельскохозяйственном производстве.

Но, несмотря на все капризы природы и трудности, труженики района полны решимости сохранить поголовье скота и качественно подготовиться к будущей посевной. Под будущий урожай озимые культуры размещены на площади 15 тысяч гектаров, из них на 3837 гектарах озимая пшеница. Для обеспечения грубыми кормами общественный и частный скот продолжается заготовка фуража. Из Пермской области и других районов заготовлено и привезено уже сотни тонн сена и тысячи тонн соломы.

С огромной благодарностью, добрыми пожеланиями всем жителям района и большой уверенностью в прекрасное будущее Буздяка, расстались мы с этим удивительно тёплым уголком Земного шара.

Ринат Мухамадиев, село Буздяк

Судьба великого татарского композитора Салиха Сайдашева была predeterminedена свыше. Незадолго до рождения Салиха его мать увидела удивительный сон: "Раннее утро. Чувствуется, что восход уже близок. Открываю окно и вижу, как на ветку сирени сел соловей и весь залился трелью. Он поет, а я слушаю соловьи-ную песню, зачарованная. Ах, только бы он не улетел, думаю я, и хочу тихонько отойти от окна. Только я хотела это сделать, как резко толкнулся в моем животе ребенок, и я проснулась". А вскоре мир огласился звонким детским плачем, и на Божий свет явился младенец по имени Салих – будущий великий музыкант (03.12.1900 – 20.12.1954 гг.). Будучи религиозной и суеверной, мать Салиха не забыла этот вещий сон и рассказывала много лет спустя, когда сын стал композитором. Отмеченный перстом Аллаха, ребенок вначале рос и развивался как многие другие дети. Отца он не знал – тот умер до его рождения. С матерью он жил в среде ближайших родственников в атмосфере любви и заботы. Особенно сильное влияние на формирование будущего музыканта оказал зять Шигап Ахмеров – муж сестры Амины. Он был высокообразованным татарским просветителем, прекрасно владел восточными языками. Именно он первым разгадал природный дар Салиха. Творческая атмосфера его дома, где собирались известные люди той эпохи – писатели, поэты, актеры (Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, Г.Кулахметов, Г.Камал, Г.Кариев, Н.Сакаев, Г.Тукай), явилась благодатной питательной средой. Однако не все в жизни складывалось гладко. На долю Салиха Сайдашева выпали жизненные испытания: безотцовщина, моральные невзгоды, смерть жены во время родов, участь вдовца с новорожденным сыном на руках. А далее, в годы репрессий и идеологических чисток – попытки сломить его увольнением из театра, отказом в выплате гонораров к спектаклям. А еще позже – раскол среди деятелей культуры, куда он помимо своей воли был вовлечен с последующим несправедливым игнорированием его творчества и попыткой предать забвению. Все это больно ранило музыканта и мешало жить. Тем не менее внутренние переживания не сломили С. Сайдашева, а маленькие радости вселяли оптимизм. Так, через собственные страдания и испытания, он укреплял себя и восходил к познанию высшего в человеке под названием Божественное или Духовное начало, которое помимо творчества наложило свой отпечаток и на весь облик композитора. Салих был личностью, лишенной амбициозности, антагонизма и лидерских притязаний. Он был образцом врожденной интеллигентности, удивительной скромности и простоты в общении. Будучи равнодушным к материальным ценностям, он рано осознал несомнимость подлинного искусства со стяжанием богатства. Свидетельством душевной чистоты музыканта являются его слова, обращенные к любимой девушке: "Я не могу тебе дарить жемчуга и алмазы, но отдаю свое сердце и любовь. Нет большего сокровища на свете... Счастье – это когда двое любят друг друга... Счастье – это быть вдвоем. Счастье – это работать, творить вместе, идти вместе всю жизнь рука об руку и жить в новой жизни".

В полной гармонии с внутренним миром и внешностью музыканта. С. Сайдашев – "красивый юноша, с большими голубыми глазами, очень внимательными и пронзительными, и в то же время очень добрыми, готовыми тут же улыбнуться, заискриться, с ямочкой на подбородке, которая при улыбке, придавая лицу особую мягкость и добродушие, привлекал внимание с первого взгляда", – так вспоминает его родственница Д.З.Саманова-Ахмерова. А как поэтично описывает внешность, особенно глаза композитора, выдающийся татарский писатель Амирхан Еники: "... И тихо, и ровно светили глаза, затаенные, как лесные озера... Цвета неба, они поражали как бы люющей печалью... Он – изыскан. Каждый жест его уместен, речь сдержанна, голос мягко, но не вкрадчив, он благороден".

Потрясающе емко и правдиво передан его образ в скульптурном портрете, выполненном в камне Бакием Урманчи, где высветляется чистая, бескорыстная любовь к людям, его созидательная сила, свет и животворная радость?! Это удивительное сходство на презентации скульптурной работы отметил и сын композитора Альфред.

По словам композитора З.Хабидуллина, «Впечатление от музыки С. Сайдашева слилось с необыкновенной личностью композитора. Это был большой человек во всех своих проявлениях». Как дирижер он обладал феноменальной музыкальной памятью (знал партитуры наизусть), как исполнитель прекрасно импровизировал на фортепиано, как выдающийся композитор создавал изумительные по красоте мелодии. И все это щедро отдавал своему народу.

Справедлив был известный татарский поэт Адель Кутуй: "То, что в литературе Тукай, в музыке – Сайдаш." А мы добавим – в изобразительном искусстве – Баки Урманчи (замечание автора). Они были великими реформаторами, символами трех муз, друзьями, посвященными в духовное братство через импульсы, идущие от Г.Тукая. С Сайдашевым, видимо, это произошло во время домашнего концерта. Салих аккомпанировал самому Г.Тукаю.

Пророчество А.Кутуя сбылось. Музыка С. Сайдашева сразу же нашла отклик в душе народа, а сам он стал всеобщим любимцем и занял достойное место в жизни народа. Он создал музыку в разных жанрах. Но центром творчества является музыкальная драма и комедия, созданные на основе татарского фольклора. Опера

не была его жанром. К тому же для того периода опера была преждевременна. Но его музыкальные драмы подготовили почву для более естественного рождения оперного жанра в творчестве Н.Жиганова. Музыкальная драма как исконно национальный жанр имела право на самостоятельное существование. Каждый композитор должен найти именно свой жанр. Так поступил польский классик Ф.Шопен. Не написав ни одной оперы, на основе народных песенно-танцевальных жанров (мазурки и ее разновидности), он создал мировую фортепианную литературу. А другой норвежский классик Э.Григ, не написав ни одной симфонии, ограничился в основном

Наиля Гареева, музыковед

Огонь музыки, зажженный Сайдашевым

фортепианной, оркестровой музыкой и музыкой к драматическим спектаклям.

Нарушение восточного менталитета татарского народа и сближение его с европейским в советский период явилось сложным и необратимым процессом. Но при этом надо было как можно достовернее сохранить свою татарскую культуру. Для этого нужна была одаренная, сильная личность. Им стал С. Сайдашев, который блестяще выполнил свою задачу.

Творчество С. Сайдашева началось с Буинского периода (1917 г.), когда он начал сотрудничать с татарской драматической труппой «Сайяр» и участвовал в постановках пьес Г.Камала, С.Рамиева и др. Уже тогда на заре взросления определился его интерес к музыкальному театру на всю оставшуюся жизнь. Вклад С. Сайдашева в развитие национального театра неосцим. Театр прочно вошел в культуру нашего народа. «В истории татарского народа был такой период, когда зрители ходили на спектакли, главным образом, ради музыки С. Сайдашева», – писал в свое время известный татарский писатель Габдрахман Минский.

Так выбрав в качестве отправной точки фольклор и песенный жанр, С. Сайдашев создал свое детище – музыкальную драму и комедию. Именно в них С. Сайдашев сформировал свой музыкальный стиль, объединяющий особенности европейской и черты национальной татарской музыки, чутко уловив ту "золотую середину", за которую переходить не следует. Он придерживался принципа, вытекающего из его же высказывания: "Я не против обновления татарской музыки, внесения в нее нового, но в музыке должен сохраниться национальный колорит. Народ потому и любит мою музыку, что я вношу новое, сохраняя своеобразие". Именно поэтому музыкальная драма, появившись на стыке традиций татарской культуры и академической ориентации новой советской идеологии на оперу (сонату-симфонию), выдержала испытание временем и продолжает оставаться популярным жанром по сей день.

Музыкальная драма, рожденная в тесном сотрудничестве композитора с поэтами, режиссерами и драматургами (К.Тинчуриным, Т.Гиззатом, М.Файзи, Ф.Бурнашем, Х.Такташем, А.Кутуем), стала самым популярным жанром в Татарстане, Поволжье, Приуралье и Средней Азии. К сожалению, музыка многих ранних спектаклей Сайдашева утеряна («Күмелгән кораллар» – "Зарытое оружие" по пьесе Х.Такташа, "Канлы чәчәкләр" – "Кровавые цветы", по Б.Брехту – "Мамаша Кураж"...). Но и то, что сохранилось, свидетельствует о мастерстве композитора, о его постоянных поисках музыкально-стилистических средств обработки татарских народных напевов. Это относится, как к первым опытам музыкального оформления спектакля «Башмагым» ("Башмачки"), «Сүнгән йолдызлар» ("Погасшие звезды"), «Казан сөлгесе» ("Казанское полотенце"), так и к последующим (музыкальное оформление пьес "Ил" – "Страна", "Кандыр буенда" – "На Кандре", "Наемщик", и др.). Душа татарского народа "моң" господствует во многих сочинениях С. Сайдашева: «Өмә жыры» ("Песня девушек") в драме "Бишбүләк", песня Раисы "Хуш авылым" ("Край родной, прощай!") в драме Х.Фатхуллина "Күзләр" ("Очи") и другие.

Не случайно многие из них бытуют, как народные песни. Характерно для творчества С. Сайдашева стало сочетание народных песен с религиозными песнопениями и мунаджатами (драмой) "Сүнгән йолдызлар", "Зәңгәр шәл" ("Голубая шаль"). Впервые в татарской музыке он создает увертюру к пьесам ("Галиябану", "Погасшие звезды").

Попутно произошло и обновление музыкального языка. Пентатонная мелодия, обогащенная элементами европейской тонально-гармонической системы, как бы заиграла новыми радужными красками. По выражению Бориса Асафьева, его мелодия, как и у П.И.Чайковского, является «сложнейшей интонационно-географической картой». Но при этом остаются истинно национальными композиторами.

Можно говорить о влиянии на музыку С. Сайдашева не только западной, но и восточной культуры. На-

пример, обработки песенных и танцевальных напевов крымских татар составили основу музыки к спектаклю "Наккаджан" по пьесе А.Кутуя, "Восточный балет" из пьесы "Тахир и Зухра" Ф.Бурнаша, или песни "Эдран дингез" ("Адриатическое море" по пьесе Т.Гиззата "Чын махабат" – "Настоящая любовь") – одна из любимых мелодий среди татар.

Обновлением явилось введение многоголосия. По свидетельству М.Музаффарова, С. Сайдашев еще в юности не удовлетворялся одностолбием татарской музыки и стремился путем варьирования придать темам полифоническое звучание. "Во время репетиций, превращая игру музыкантов, Салих показывал каждому как надо играть, чтобы музыка звучала в два голоса. Например, скрипки играют тему без изменения, а мандолины, гитары в это же время ведут мелодию в измененном виде. В результате получается необыкновенно красивое полифоническое звучание", – писал М.Музаффаров. Это привело в вокальной музыке к выходу из узких рамок унисона и созданию хорового пения (фрагменты из "Наемщика"). Это было ценным открытием в татарской музыке.

С. Сайдашев также расширяет жанровые границы в татарской музыке, смело вводя мелодическую и ритмическую свежесть, яркую образность вальсовой стихии. Вальс – одухотворяющая сила, способная вывести из состояния приземленности (танцевальные номера в "Наемщике"). Не случайно композитор Дж.Файзи сказал о нем: "Король вальса Штраус воскрес в Казани!"

Эпоха вызвала большой интерес к жанру "песня-марш" с ее романтизмом, эйфорически приподнятым настроением, звонкими фанфарными оборотами в мелодии, чеканными маршевыми ритмами, призывными интонациями. Как и другие композиторы, например И.О.Дунаевский, подобную музыку создает и С. Сайдашев (песни "Огни, зажженные нами" из драмы "На Кандре", "Советская молодежная", "Песня дружбы"; военно-патриотические произведения "Встречный марш", "Родина", "Походный марш", особенно "Марш Советской Армии" – лучезарный сайдашевский гимн и блестящий концертный номер).

Музыка С. Сайдашева – это базис для каждой души, в ком живет добро и красота. Он – композитор-классик, основоположник татарской музыки. Его имя сопряжено с такими понятиями как "новатор", "первый", "основоположник", по аналогии с Ф.Шопеном для Польши, Ф.Листа для Венгрии, Э.Грига для Норвегии, Б.Сметаны для Чехии, И.С.Баха для Германии, М.И.Глинки для России. С. Сайдашев создал татарскую классическую музыку на основе высочайшего мастерства и народности в сочетании с простотой, доступностью и новаторством. Благодаря ему татарская музыка была поднята на новый уровень развития на основе мирового музыкального опыта, советской массовой песни и татарского фольклора. Он создал первый национальный музыкальный театр с новым жанром – музыкальной драмой и комедией, тем самым подняв татарскую музыку на качественно новую ступень. В этом величии и новаторство композитора С. Сайдашева. Долго прожив в памяти и любви своего народа, он вновь вернулся к нему своей великолепной музыкой, чтобы вознестись в бессмертие. Если 70-летие С. Сайдашева было поворотным моментом в переоценке ценностей, то 100-летний юбилей и последующие даты со дня рождения – это еще более мощный импульс для пристального внимания к его творчеству, в деле сохранения пропаганды наследия композитора. В последнее время наметился хороший симптом – творческий подход к произведениям С. Сайдашева в создании оркестровых аранжировок, симфонических, камерных, хоровых произведений на основе его музыки. Такие произведения современных композиторов как два "Посвящения Сайдашеву" А.Миргородского и А.Монасыпова, сборник фортепианных пьес "Сайдаштан" Р.Еникеева. Были созданы новые произведения Р.Абязова "Превратившийся в песню" на стихи Р.Хариса для тенора, струнного оркестра и рояля, и "Песня о Сайдаше" И.Байтиряка на стихи М. Миншина.

С. Сайдашев становится героем литературных произведений, поэм, романов, повестей и стихов. С большим интересом читается роман А.Еникеева "Гуляндам" о первой призрачной любви С. Сайдашева к юной девушке, наводя на аналогию с судьбой Г.Тукая и его несостоявшейся встречей с Зайтуной Мавлютовой, а также "Поэма о Сайдаше" Р.Файзуллина.

Имя С. Сайдашева как основоположника татарской профессиональной музыки вновь обрело жизнь: отмечаются юбилейные даты композитора, звучат его произведения. Однако, справедливости ради, отмечу необходимость возрождения на татарской театральной сцене многих уже забытых и утраченных в наши дни замечательных произведений С. Сайдашева, музыкальных драм, прекрасного одноактного балета "Гульнара", инструментальных и вокальных произведений и многого другого, чем так восхищалась публика в годы жизни С. Сайдашева.

Необходимо широко пропагандировать его творчество в лекциях-концертах. С. Сайдашев – гений, так как сумел благодаря богатой интуиции расширить горизонты татарской музыки и открыть дорогу в будущее. Поэтому можно говорить о феномене С. Сайдашева. И это требует фундаментального научного исследования.

Шәүкәт ГАЛИЕВ

ТУГАН ТЕЛ

Туган тел – иң татлы тел,
Туган тел – иң тәмле тел.
Тәмле дип, телең йотма –
Туган телне онытма!

БЕЗ – ТУКАЙ ОНЫКЛАРЫ

Халкым бер тумыш көндә дә
Тукаен онытмады:
Без – «Туган тел»дән туганнар –
Без – Тукай оныклары!

РУС КАЗЛАРЫ: ГА-ГА-ГА

Русларда да бар казлар,
Татарда да бар казлар.
Рус казлары: га-га-га, ди,
Татар казы: кыйгак, ди.

Русларда да үрдәк бар,
Татарда да үрдәк бар.
Русныкылар: кря, кря, ди,
Татарныкы: бак, бак, ди.

Русларда да бар этәч,
Татарда да бар этәч.
Русларның: кукареку!
Татарның: кикерикүк!

Русларда да бар маэмай,
Татарда да бар маэмай.
Рустагысы: гав, гав, ди,
Татардагы: һау, һау, ди.

«Гав, гав»ларга юлыксам мин
Русча гына эндәшәм.
«Һау, һау»ларны күргән чакта
Гел татарча сөйләшәм.

Урамда, ишегалдында
Алар гел очрашалар.
Ничек хәл сорашалар,
Үзара аңлашалар?

Русча мәче: мияу, ди,
Татарча да: мияу, ди.
Анда-монда йөри мәче, –
Шул мәллә тәржемәче?

БУГАЙ...

Басуга чыкты бабай,
Кулына алды курай,
Кушылды аңа тургай.
Уйнап торгачтын шулай
Тургайга уңай бугай...

Вәли сөйләде болай:
Басуга чыктым, малай,
Алдым кулыма тургай,
Кушылды аңа курай.
Ник көләсең? Нәкъ шулай!
Нәкъ шулай иде бугай...

КЫШЛАР ҺӘМ КОШЛАР

Кышлар килеп житкән чакта
Кошлар китә көньякка –
Кышларга жылы якка.

Кошлар кайтып житкән чакта
Кышлар китә төньякка –
Жәйләргә салкын якка.

Кыш күрми кайсы кошны,
Кайсы кош күрми кышны!

БОЗНЫ КЕМ АЛГАН?

Карагыз әле нәни кызны,
Кулына тоткан нинди бозны!

Ә салкын боз торган саен эри,
Кыз шуңа тыз-быз чабып йөри:
– Мин аны өйгә алып керәм, ди,
Мич алдына куеп киптерәм, ди,
Жып-жылы иттерәм, ди.
Уенчыклар янына куярмын,
Теләгән саен уйнармын!

Куюын да мичкә куйган ул,
Мичкә куйган бозын жуйган ул...
Жылый бит, һич кенә тыеп булмый кызны:
– Бирегез, ди, кем алды минем бозны!

Ул бозны сез алмадыгызмы?
Кая киткәнән аңладыгызмы?

БАШЛАРЫ КАЙДА?

Үрдәкләрне эзләргә дип
Төшкән идем инешкә,
Аптырадым мин бер эшкә –
Искиткеч күренешкә:

Суда йөзгән үрдәкләрнең
Берсенең дә башы юк!
«Үрдәкләрәм башсыз!» – дип
Кайттым өйгә ашыгып.

– Менә сиңа табышмак!–дип,
Куйды әни бот чабып.–
Башлы малай булсаң, шуңа
Бир әле җавап табып.

«Үрдәкләр нигә башсыз!» – дип,
Баш ваттым кичкә тикле.
Ул ара, башларын сузып,
Үзләре кайтып җитте...

Әни әйтә: – Бу үрдәкләр
Тикмәгә йөзмәгәннәр –
Су астыннан табышмакның
Җавабын эзләгәннәр!

ЧӘЙГӘ ЧУМГАН ШИКӘР ТУРЫНДА ӘКИЯТ

Бер шакмак шикәр
Чәйгә чумган ди,
Икенче шакмак
Көтеп торган ди.

Саний-саний ул
Меңгә житкән ди.
Ә теге һаман
Чыкмый икән ди...

Санап караган
Янә бер меңне:
«Ә соң ул йөзә
Белә идеме?»

...Әкият бу, дип
Бер дә син көлмә –
Йөзә белмәсән,
Чәйгә сикермә!

Омар Хайям (1048-1123)

Гиясддун Абуль Фатх ибн Ибрахим Омар Хайям Нишапури родился в 1048 году в Нишапуре, учился в этом городе, затем в крупнейших центрах науки того времени, в том числе в Балхе и Самарканде.

По оставшимся его научным трудам и сообщениям современников установлены некоторые детали биографии. Около 1069 г. он, находясь в Самарканде, написал трактат «О доказательствах задач алгебры и алмукабалы». А до этого были написаны два математических трактата. В 1074 г. возглавил крупнейшую астрономическую обсерваторию в Исфахане, в 1077 г. завершил работу над книгой «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида», в 1079 г. вместе со своими сотрудниками ввел в действие календарь.

В середине 90-х годов XI в., после закрытия обсерватории, вызванного сменой правителей, Хайям совершил паломничество в Мекку. Об этом сообщает один из его недружелюбных биографов Ибн Ал-Кифти следующими словами: что он совершил паломничество «... придерживая поводья своего языка и пера, из страха, а не из благочестия».

Около 1097 г. Хайям работает врачом при наместнике Хорасана. Возможно в это время он написал свой философский трактат на языке фарси - «О всеобщности бытия».

*Щека тюльпана мокнет в синеве.
Наполни кубок лежа на траве.
Когда-нибудь и ты тюльпаном станешь.
Допей вино. Не верь людской молве.*

Последние 10-15 лет жизни Хайям провел в уединении в Нишапуре. Он мало общался с людьми. Об этом сообщает историк Бейхаки: «Был скуп в сочинении книг и преподавании...»

По-видимому, последние годы жизни Хайяма проходили тяжело. Он пишет: *Трясу надежды ветвь, но где желанный плод? Как смертный нить судьбы в кромешной тьме найдет?*

Тесна мне бытия печальная темница, - О, если б дверь найти, что к вечности ведет. Он дружил в эти годы только с книгой. Как сообщает Вейхаки, в последние часы своей жизни Хайям читал «Книгу исцеления» Ибн Сины. Он дошел до раздела

«О единстве и всеобщности» философского сочинения, положил на это место зубочистку, встал, помолился и умер.

Таким образом, его биография мало отличается от типичной биографии ученого, стремительно поднятого на вершину служебной лестницы при одних правителях, интересы которых совпадают с его научными познаниями, и терпящего тяготы, опалу, когда на смену приходят другие правители.

Биографы, достаточно близкие к нему по времени, говорят в основном о его учености и научных трактатах. Математические исследования Хайяма и теперь имеют определенную ценность и переведены на разные языки.

Только Ибн Ал-Кифти пишет о стихах, «жалящих как змея».

Творчество Хайяма - это одно из удивительных явлений в истории культуры народов Средней Азии и Ирана, и, пожалуй, всего человечества.

Если его труды принесли огромную пользу в развитии наук, то замечательные четверостишия до сих пор покоряют читателей своей предельной емкостью,

лаконичностью, простотой изобразительных средств, гибким ритмом.

О поэзии Омара Хайяма исследователи судят по-разному. Некоторые считают, что поэтическое творчество было для него просто забавой, которой он предавался в свободное от основных научных занятий время. И все же рубаи Хайяма, не зная ни временных, ни национальных границ, пережили века и династии, дошли до наших дней.

Маленькая книжечка живет на его родине, в соседних странах, во всем мире, переходит из рук в руки, из дома в дом, из страны в страну, из века в век, будоражит мысли, заставляет людей размышлять и спорить о мире, о жизни, о счастье...

Хайям в своих строках очень высоко ценит человека:

*Цель творца и вершина творения - мы.
Мудрость, разум, источник прозрения - мы.
Этот круг мироздания перстню подобен.
В нем граненый алмаз, без сомнения, мы.*

Не сближает ли это Хайяма с деятелями эпохи Возрождения? Великие гуманисты, деятели Ренессанса считали, что «человек - мера всех вещей», он - «венец вселенной», и боролись за возвращение человеку утраченного достоинства.

Хайям страстно желал переустройства мира и делал для этого все, что в его силах: открывал законы природы, устремлял взгляд на звезды, вникал в тайны мироздания и помогал людям освобождаться от духовного рабства.

Скептическое отношение к жизни на земле, отрицание этой жизни, отшельничество было широко распространено на средневековом Востоке. Этот мир считался временным, преходящим... Сотни, тысячи

богословов и философов проповедовали, что вечную жизнь и блаженство можно найти только после смерти.

А в четверостишиях Хайяма мы видим горячую любовь к реальной жизни и страстный протест против ее несовершенства. Творчество Хайяма - еще одно доказательство того, что в средние века, в период инквизиции, всеобщего гнета темных религиозных сил, духовное развитие человеческого общества не останавливалось и не могло остановиться.

Научное и литературное наследие Омара Хайяма служило и служит Человечеству, являясь яркой страницей в культуре народов мира.

Шаислам Шамухамедов.

Издательский дом «Заман»

В культурной жизни татар Москвы состоялось долгожданное важное событие - начал свою просветительскую деятельность только что основанный Издательский дом с символическим названием «Заман». Основателем и гостеприимным хозяином его является владелец крупного строительного холдинга ОАО «RCS» и инжиниринговой компании «Мособлспецстрой», уроженец деревни Нижний Наратбаш Буинского района Татарстана Рамиль Галимзянович Ахметов. Издательский дом планирует восполнить острую нехватку татарских книг, вести целенаправленную просветительскую деятельность по пропаганде лучших образцов мировой и российской литературы, и в частности Восточной и татарской классики. Первым подарком для читателей явился сборник «Рубаи» выдающегося поэта всех времен и народов Омара Хайяма. Каждая страница этой новой книги, в лучших традициях Востока, оформлена национальными орнаментами и оригинальными рисунками современных восточных художников.

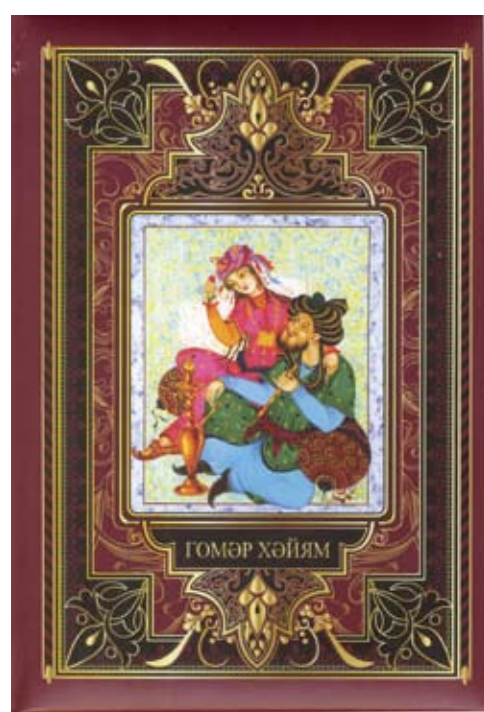
На татарский язык рубаи Хайяма перевел выдающийся татарский поэт-лирик Нури Арсланов. Мы в свою очередь, первыми представляя данную книгу широкой общественности, с удовольствием предлагаем на суд своих читателей некоторые образцы рубаи Омара Хайяма на татарском языке. В самое ближайшее время Издательский дом «Заман» порадует нас и второй книгой, уже из классического наследия татарской поэзии - сборником любовных посланий татарского поэта Габделжаббара Кандалый. Так что, дорогой читатель, жизнь налаживается...

Хәят күрке, аның нигез ташы – без,
Бөтен гыйлем вә мәгърифәт башы – без;
Түгәрәк жирне тинчләсәк йөзеккә,
Моңа шик юк: аның асыл кашы – без.

Чәчәкләргә шәраб хуш исе кертеп,
Курай моңы белән хәсрәтне өртеп,
Бер утырыйкчы сөйгән ярлар янында,
Шәрабта кайгы-гамь ташларын эретеп.

Шәраб эчсән, хәким-дана белән эч,
Иә күңлән яры – кыз бала белән эч;
Аз-азлап эч, исермә фаш булырлык,
Төшермә аруен, чама белән эч.

Килә яр билләренә кул саласым,
Шәраб тулы пыяламны аласым;
Тәнем туфракка әйләнгәнче, тизрәк
Өлешне төп-төгәл алып каласым!

Хәким без дип, горур түш какты күпләр,
Әзәл серен беләм дип бакты күпләр;
Галәм аслын ачалмый алжып-арып,
Кәфен чорнап, ләхеткә ятты күпләр.

Җаным кошы китеп какканда канат,
Йөрәгем телгәләнсә йөзгә, канап,
Ясагыз мэй касәсе туфрагымнан, –
Шәраб исе терелтер, бәлки, кабат.

Яшә, арын саранлыктан – ирек ал,
Ә язмышка фәкать нәфрәтле күз сал;
Үтәр-китәр ике-өч көнлек хәятың,
Исәнлектә көлеп-жырлап, сөеп кал.

Егетчак дәфтәре язылып та бетте, –
Гомер язы үтеп, кышлар да житте;
Гүзәл яшьлек исемле котлы шоңкар, –
Кай ара, сизмәдем, – очты да китте...

Базарда бер гидай, уйлап та бакмый,
Ясый чүлмәк: изә балчыкны, таптый.
«Элек чүлмәкче булдым мин дә синдәй, –
Ди балчык, – таптама, зинһар, бу чаклы...»

Кинәт мәсҗедкә килде бит барасым,
Укырга дип түгел лич тә намазын:
Элек чәлгән намазлык тузды күптән,
Шуңа киттем алырга дип яңасын!..

*Как полон я любви, как чуден милой лик,
Как много я б сказал и как мой нем язык!
Не странно ль, Господи? От жажды изнываю,
А тут же предо мной течет живой родник.*

Актуальные размышления

У редкого татарина, живущего вне родины, не вздрогнет сердце при упоминании имени города Казани. Для нас, татар, живущих на чужбине, к сожалению, таких 75-80% от всех татар, Казань – как Мекка. С Казанью связан каждый татарин: кто духовно, кто родством, кто происхождением предков, кто делами, кто учебой, а большинство мечтами – хотя бы раз увидеть светозарную столицу, которую так с любовью называл Габдулла Тукай. Живущим в Татарстане, в Казани, даже в голову не приходит, что миллионы ныне здравствующих та-

зняли журнал «Майдан». Особенно я горжусь журналом «Казань» Ю.А.Балашова, убежден, это визитная карточка не только Казани, но и Татарстана. Интересно, со вкусом изданный, интеллектуальный, глубоко философский журнал – он достойно представляет татар в мире! Мэрия Казани создала прекрасный журнал! Какая Казань мне больше нра-

хов Абай, для туркмен – Махтумкули, для азербайджанцев – Ниязи, для таджиков – Саади и Хафиз.

Странная, почти мистиче-

телевидение в течении 2010г. всем татарам, живущим от Калининграда до Владивостока, постоянно напоминают, чтобы они при переписи записались

родном языке.

В 1987г. на презентации моей книги на грузинском языке в Тбилиси директор издательства «Мерани» Гурам Гвертецелискал: «Впервые в истории грузин мы издаем книгу татарского писателя, о татарской жизни, которую мы мало знаем...».

В 1976г. Ибрагим Нуруллин, впервые рекомендуя меня для публикации в журнале «Азат хатын», сказал вещице: «Не огорчайся, что пишешь по-русски, главное, пишешь о татарах. У тебя есть свой адресат, через таких, как ты, мир будет знать о нас».

Академик Флера Сафиуллина в январе 2000г. в своем докладе по итогам литературного года в СП дала высокую оценку моему роману «Ранняя печаль»,

вышедшему в трех номерах журнала «Казан Утлары», и признала его значимым явлением татарской литературы. Татар пишущих прозу на русском языке было сотни, но состоявшихся в советской литературе всего восемь: Явдат Ильясов, Ильгиз Кашафутдинов, Альберт Мифтахутдинов, Роман Солнцев, Рустам Валиев, Рустам Кутуй, Диас Валеев и ваш покорный слуга. Пожалуй, вдумайтесь – всего восемь писателей! Из них, на сегодня, жив только я! И выходит, что даже для одного из них нет места в татарской литературе.

Писатели пишущие на русском языке есть не только в татарской литературе. В Киргизии – это Чингиз Айтматов, у азербайджанцев – Рустам Ибрагимбеков, у грузин – Александр Эбаноидзе, у казахов – Олжас Сулейменов и Роллан Сейсенбаев, у чукчей – Юрий Рыхтэу, у нивхов – Владимир Санги, у абхазов – Фазиль Искандер, у узбеков – Тимур Пулатов, у молдаван – Ион Друце, у армян – Гранд Матевосян, у таджиков – Тимур Зульфикаров и так далее. Все они пишут на русском языке, но это не мешает им считаться национальными писателями, и они не ждут издания своих книг на родном языке по тридцать лет. Мне кажется, есть что-то нездоровое в политике чиновников от культуры в Татарстане в отношении пишущих на русском языке и, особенно, к тем, кто живет вне республики.

Уверен, будь жив Нуриев, и оказался он сегодня в Казани, вряд ли бы даже в кордебалет попал. Ему сказали бы в лицо – у нас таких танцоров сотни, станьте в очередь. А сцены Гранд-Опера, Ля Скала, Ковент-Гардена, на которых Нуриев блистал, для чиновников ничего не значат, как не значат для них и мои книги, изданные в лучших издательствах страны, включая «Художественной литературы», миллионными тиражами.

Диас Валеев, чьи пьесы шли в пятидесяти театрах СССР, недавно признался: «чувствую себя изгоем на родине». Это как же надо довести человека, философа, чтобы он так сказал. Я подписываюсь под словами моих коллег. Боль, отчаяние, тупик, обиды...

Я отметил татар-прозаиков, состоявшихся в русской литературе только за XX век. Вслед за нами подросло уже новое поколение русскоязычных татарских писателей, всерьез заявивших о себе в последние годы. Их гораздо больше нас. Айдар Сахибзадинов, Ахат Мушинский, Салават Юзеев, Лилия Газизова, Алена Каримова, Азат Ахунов и многие другие. Не чувствуют ли они себя пасынками в родном отечестве?..

Нельзя игнорировать творческий потенциал русскоязычных татар в жизни Татарстана. Они должны творить и конку-

Рауль Мир-Хайдаров

Казань
в жизни
моей

ская связь у меня сложилась с именем великого поэта. В нашей семье, в революцию после Оренбурга оказавшейся в Казахстане, в тысячах километрах от Казани, бережно хранилась прижизненная фотография Г.Тукая. В 1999г., во время публикации романа «Ранняя печаль», я передал

ее в архив журнала «Казан Утлары», где она сейчас и находится.

В Москве, когда отмечали 110 лет со дня рождения Г.Тукая, мне звонит Фарид Мубаракшевич Мухаметшин и говорит: «С ног сбились, не можем в Москве найти портрет Г.Тукая, а завтра вечер памяти состоится, нет ли в твоей коллекции портрета?» Конечно, портрет великого поэта у меня был, и не один, а целая серия его портретов работы известного художника Шакира Закирова. На другой день портрет поэта в солидной раме украсил сцену колонного зала Дома профсоюзов. Портрет поэта понравился прибывшим на юбилей высоким гостям из Казани, и они попросили меня подарить его казанскому музею. Отказать я не мог, хотя портрет и самому очень нравился, и он занимал достойное место в моей коллекции. Сейчас этот портрет уже 15 лет выставляется в экспозиции музея им. Г. Тукая. Несколько других портретов поэта я подарил позже журналу «Казан Утлары» и СП Татарстана – они украшают стены этих учреждений. Наверное, узнай Г.Тукай, что меня не допускают к участию в конкурсе на Госпремию его имени, очень обиделся бы.

Единственный мой недостаток оказывается в том, что я пишу на русском языке. Вопрос этот настолько глубок и серьезен, что на него в газетной статье не ответить. Тем не менее я постараюсь. Чтобы не быть субъективным, хочу сослаться на статью главного редактора газеты «Звезда Поволжья» от 28 ноября 2010г. Он пишет, что последние 20 лет в Казани во многих сферах жизнедеятельности руководящие звенья заняли выходцы из села. По выражению писателя Диаса Валиева – деревня затоптала казанскую интеллигенцию, завела там свои порядки.

Сложившаяся ситуация не нова, но о ней стали писать только сейчас. Эта проблема касается и меня. Ведь не случайно, в 2010 году не допустили меня даже к участию в конкурсе на Госпремию им. Г.Тукая. Видимо, решили, раз пишет на русском, живет в Москве, пусть там его и награждают...

А тем временем, татарские газеты, журналы, казанское

вится? Старая или новая? Тут я приведу финальную строку из моей давней повести: «Новое нужно строить так, чтобы оно не вызвало грусти и сожаления о прошлом».

Я счастлив, что успел заставить старую Казань, она осталась в моем сердце. Слишком поспешно и безжалостно сносили старый город. А тайная ликвидация прекрасного здания, где последние годы жил Тукай, первое, что показал мне в 1979 году Заки Нури – это варварство, невежество, вызов обществу, плевок в свою историю. Хотел бы узнать, подал ли в отставку после бури возмущения казанцев главный архитектор города? Где были рьяные национал-патриоты, считающие себя единственными и непререкаемыми авторитетами в любом вопросе, касающегося жизни татар?

Каждый раз, когда приезжаю в Казань, мои друзья с радостью показывают новостройки: ипподром, стадион, рестораны, супермаркеты, пирамиду – и ждут моих восторгов. А чем восторгаться? Да, что-то строится, но строится сегодня везде, повсюду. И я цитирую им выдержку из своего давнего интервью, касающегося Москвы: «Если вы хотите увидеть настоящее строительство, большие перемены, поезжайте в Эмираты с интервалом в пять-шесть месяцев. И тогда вы увидите, с какой скоростью, размахом, качеством, фантазией, архитектурной смелостью меняется страна, город. Уникальные здания строятся тысячами. И вы поймете то, что еще вчера вам казалось «успехом», на самом деле – топтание на месте».

Искренний восторг, большую радость, гордость могут вызывать грандиозные перемены не только в облике столицы, но и в жизни людей. Хочу сказать, что к 1000-летию Казани я написал песню «Казань, моя Казань», которую впервые в дни праздника исполнил Ренат Ибрагимов. Песня стала лауреатом конкурса.

Тукай и Казань или Казань и Тукай – для меня понятия неразлучные. Мне кажется, Тукай жил среди татар всегда. Он и сегодня остается в нашей духовной жизни, он никогда не расставался с нами. Тукай для татар, все равно, что для каза-

тар никогда не видели Казань и вряд ли ее когда-нибудь увидят. Особенно при нынешних ценах на билеты, гостиницы, не говоря уже о таможенных и визах.

Впервые я увидел Казань в 1979 году. Легендарный Заки Нури пригласил меня на съезд писателей. Я приехал раньше, и Заки абый три дня подряд открывал для меня город. Показывал не только исторические места и достопримечательности, а прежде всего увязывал тысячелетнюю Казань с жизнью выдающихся татарских деятелей культуры, религии, меценатов. С людьми, определившими весь исторический и духовный путь татар. Эти трехдневные лекции для меня равны университетской программе. С тех пор я и полюбил Казань.

В Казани была заложена наша государственность, сформировалась татарская культура. Здесь сложился наш язык, письменность. Здесь жили выдающиеся богословы, Казань дала мусульманскому миру великих теологов и мыслителей. В Казани жили крупные поэты, Казань – колыбель татарского театра, культуры, здесь издавались книги для всего мусульманского мира. Если в России духовных центров всегда было несколько: Петербург, Москва, Новгород, Киев, то Казань была и остается единственным духовным, культурным, политическим центром для всех татар на планете. У Казани нет конкурентов, что и хорошо, и плохо. Нельзя представить жизнь татар без казанских театров, библиотек, музеев, мечетей, медресе, издательств, университета. В Казани живет цвет нашей нации: поэты, художники, ученые, писатели, артисты, философы. Это высочайшая концентрация духовных и интеллектуальных сил нации. Думаю, такого нет ни в одном народе, ни в одной столице. Казань словно магнитом притягивает лучшие татарские умы.

Я 20 лет член СП РТ и регулярно бываю в Казани, участвовал в нескольких Всемирных конгрессах татар. Что-то меня радует в Казани, что-то огорчает. Я горд, что в Казани есть достойные литературные журналы: «Казан Утлары», «Сююмбике», «Идель». Серьезное место в татарской литературе

рировать на равных условиях, только в конкурентной борьбе рождаются Нуриевы, Губайдуллины, Акчурины, Нигматуллины, личности, составляющие мировую славу нашего народа. В спорте ведь мы не разделяем людей по языковому, национальному и расовому принципу. Я это подчеркиваю, как истинный болельщик «Рубина», «Ак барса» и других спортивных команд Татарстана.

Я сполна реализовал себя в литературе, издавал книги в лучших издательствах, познал почести и внимания в России сполна. Счастлив, оценкой моего творчества у себя на родине в Казахстане. Там дважды на государственном уровне отметили мои юбилеи. Обидно, когда тебя не приглашают на исторической родине. Поистине – нет пророка в своем Отечестве. Уже 20 лет как стал членом Союза писателей Татарстана, но отношения с властями не складываются, трудно издавать книги, нет творческих вечеров в Казани, все это огорчает, особенно в год юбилея.

Как вы помните, в советское время деньги на культуру выделялись по остаточному принципу, главными статьями расходов были: армия, космос и содержание левачских режимов во всем мире. Но даже тот период в Казани вспоминают как лучшее время для литературы и искусства. На мой взгляд, все яркие достижения татарской литературы и искусства связаны с советским периодом. Если бы культура получала хотя бы двадцатую часть того, что имеет сегодня спорт, у нее настал бы золотой век! Я не ставлю задачу противопоставлять культуру спорту, слава Аллаху, хоть спорт у власти в почете. Но вынужден подчеркнуть, что наши спортивные победы достигнуты на слезах культуры и искусства.

Я вырос вдаль от Татарстана, но кто знает меня, может подтвердить, во мне татарского ни чуть не меньше, чем у многих, живущих там. И эти качества сложились благодаря силе искусства, благодаря тем песням и мелодиям, что я слышал в детстве, тем рассказам, что я внимал в застольях родителей. Для меня, повторюсь, человек не чуждого спорта, творчество одного Амирхана Еники или Ильхама Шакирова, Хасана Туфана или Баки Урманчи гораздо выше любых побед «Рубина» и «Ак-барса» или кубка в ралли Париж-Дакар, или награды любимого жеребца бывшего президента на ипподроме.

Уже почти век живет на сцене «Голубая шаль», уверен, что и последующие сто лет она будет греть сердца людей. Искусство, литература, как правило – труд одиночек. И их, творцов, казалось бы, поддерживать легче, чем спортивные команды, но не получается, к сожалению.

Балетные спектакли готовятся годами, но идут они десятилетиями, балетам Дягилева, Фокина уже почти сто лет, и они не сходят со сцены. Музыка Салиха Сайдашева, «Шурале» Фарида Ярулина, их оркестровые пьесы уже полвека пробуждают в татарах гордость за свою культуру, задевают в душе самые тонкие струны. Я уверен, что победа слетевшихся со всего света за огромные деньги спортсменов не могут вызывать подобные глубокие чувства. Уверен, гораздо больший эмоциональный подъем чувствуют зрители, когда чувствуют на сабантуях истинных богатырей земли татарской.

Вильфранш-сюр-мер,
Франция

14 ноября 2010г.

e-mail автора: mraul61@

hotmail.com

сайт писателя: www.mraul.ru

Ирина БЛАГОДЁРОВА

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО

К 1445 г. на Руси уже двадцать лет продолжалась, то затихая, то вновь разгораясь, кровопролитная усобица между князьями Московского дома. Второй сын Дмитрия Донского, князь Юрий Звенигородский, после смерти своего старшего брата Василия I отказался признать права племянника Василия II Васильевича на великокняжеский престол. После смерти Юрия Дмитриевича борьбу за великое княжение продолжали его сыновья – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. В 1436 г. Василий Косой попал в плен к своему двоюродному брату великому князю Василию II Васильевичу, и тот повелел ослепить неудачливого соперника. Князь Дмитрий Шемяка на время притих, заключил с Василием II договор о мире, но затаил злобу.

Пока московские князья в походах и битвах решали вопрос о старшинстве, усобица бушевала и в Орде. Внук знаменитого Тохтамыша, хан Улу-Мухаммед, был изгнан своими соперниками из столицы Золотой Орды Сарая. На некоторое время он обосновался в Крыму, но и оттуда Улу-Мухаммеду пришлось бежать. В 1437 г. беглец подступил к южным границам Руси и расположился на зимовку под городом Белевом.

Василий II послал против Улу-Мухаммеда значительное войско, которое было разбито немногочисленным отрядом татар. Победив русских, хан ушел из-под Белева, двинулся к Волге и обосновался на территории, пришедшей в упадок Волжской Булгарии.

Улу-Мухаммед выбрал столицей своего улуса город Казань. Утвердившись на Волге, Улу-Мухаммед начал делать набег на соседние земли, стремясь заставить великого князя платить дань ему, а не сарайскому хану Кичик-Мухаммеду. В 1439 г. Улу-Мухаммед занял Нижний Новгород и осадил Москву, а на обратном пути сжег Коломну. В 1444 г. казанский хан вновь взял Нижний, зазимовал в нем и отправил отряд в поход против Муромы. Это предприятие татар окончилось неудачей. Улу-Мухаммед оставил Нижний, но в следующем году его сыновья Махмуд (Мамутяк) и Якуб вновь взяли этот волжский город и двинулись к Суздалю.

Великий князь Василий II Васильевич встал во главе войск и двинулся против татар. 7 июля 1445 г. в битве под Спасо-Евфимьевым монастырем русские потерпели сокрушительное поражение «... Великий князь Василий II Васильевич и его двоюродный брат князь Михаил Верейский... были доставлены в ставку Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде, где согласились на все продиктованные им татарами условия мира. Последние были настолько тяжелы и унизили, что не были даже опубликованы, но породили чрезвычайную панику в Московском государстве и различные слухи о том, что Василий II вовсе отдал татарам Москву... Особым условием мирного договора было выделение русским великим князем в заокской Мещерской земле особого удела, который должен был служить как бы буферным государством между Казанским ханством и Московским княжеством и который получал во владение сын Улу-Мухаммеда Касим, формально становившийся «Русским удельным князем», владельцем особого удела на русской земле – Касимовского царства...» (В.В. Похлёбкин «Татары и Русь. 360 лет отношений в 1238–1598 гг.»). Дмитрий Шемяка попытался воспользоваться сложившейся ситуацией, но не успел: Василий II был отпущен из плена. Великий князь вернулся в Москву в сопровождении 500 казанских князей. Татары получили «в кормление», т.е. в управление с правом сбора налогов, русские города и волости, особый пункт договора разрешал казанским татарам строить в русских городах свои мечети. Чтобы расплатиться с ханом, Василий II обложил население новыми податями. Среди бояр и простого народа зрело недовольство великим князем, чьи неудачи привели к засылу татар. Дмитрий Шемяка не стал терять времени зря. Заключив союз с князьями Иваном Можайским и Борисом Тверским, Шемяка захватил обманом Василия II в Троице-Сергиевом монастыре во время богомолья. Князь Василий II был ослеплен (отсюда и прозвище князя – «Темный»), а вскоре сослан в Углич. На московском престоле, казалось бы, утвердился Дмитрий Шемяка.

В Казани были недовольны таким оборотом событий. 17 апреля 1446 г. татары напали на Углич и двинулись на север Руси. На помощь Василию II отправились младшие сыновья Улу-Мухаммеда Касим (Касым) и Якуб. В Ельне, на литовском рубеже, они повстречались с отрядом князя Василия Ярославича Боровского, который шел из Литвы – также на выручку Василию II. Сторонники великого князя объединились и пошли походом к Угличу. Встреча двух отрядов началась перестрелкой, но затем недоразумение выяснилось. Татары изъявили желание воевать на стороне Василия II – «за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра до нас было». Тем временем Дмитрий Шемяка был вынужден выпустить Василия II из заточения. Вокруг слепого князя объединились все его сторонники и союзники; войско двинулось к Москве, Шемяка бежал, а Василий II занял трон.

Восстановление на престоле Василия II привело к возвращению татар на Русь (в послании русских иерархов Дмитрию Шемяке от 29 декабря 1447 г. говорится, что, как только Шемяка «управится ... во всем чисто по крестному целованию» с Василием II, тот

Памятник 15 века. Старая мечеть

«татар из земли вон отошлет»). Касим и Якуб, однако, остались на Руси.

Есть еще одна версия возникновения Касимовского царства: старший сын казанского хана Улу-Мухаммеда Махмутек (Махмутяк) убил своего отца и младшего брата, одного из претендентов на ханский престол. Угроза смерти нависла над двумя другими братьями – Касимом и Якубом. Спасаясь от своего жестокого брата, «царевичи» с небольшими конными отрядами бежали из Казанского ханства. Они отправились в Великое княжество Московское, где были приняты на службу к князю Василию II Темному. Оба брата верой и правдой служили ему, участвуя в военных походах. Во время одного из них Якуб погиб. Касим же продолжал службу. В 1449 году он разбил войско хана Сеид-Ахмета, в 1450 году – дружины Дмитрия Шемяки. За многие заслуги Василий Темный подарил Касиму Городец Мещерский с округой.

Так или иначе, но в 1452 г. Касим получил в удел Городец Мещерский, расположенный на левом берегу реки Оки, в 156 километрах к северо-востоку от Рязани. Так было положено начало «Касимовскому ханству», находившемуся в прямой зависимости от великого князя, простиравшемуся на 200 верст вокруг Городца Мещерского до городов Краснослободска, Темникова и охватывавшему территорию Касимовского, Елатомского, Шацкого, Темниковского уездов. Первый татарский правитель построил собственную укрепленную Татарскую слободу, последняя представляла собой деревянную крепость с каменным двором правителя, мечетью, минаретом и дворами придворных. Тут же в слободе проживали ремесленники, служилые мурзы (в XVI–XVII вв. около сотни дворов).

В источниках столица ханства впервые называется Касимовым в 1471 г. Наряду с этим часто использовались названия Городец или Царевичев городок; татары также называли Касимов – Хан-кирман, т.е. Царский город.

Наибольшего значения для Русского государства Касимовское ханство достигло в 20–50-х гг. XVI века, когда основной целью московской внешней политики становится «восточный вопрос» – подчинение Казанского ханства. Одним из средств достижения контроля над политикой Казанского ханства было выдвижение своих ставленников на казанский престол. Этими ставленниками, как правило, являлись касимовские правители – цари и царевичи.

По своему устройству Касимовское ханство почти не отличалось от других татарских ханств. Во главе его находился хан («царь») или султан («царевич»). Им мог быть только мусульманин. Татарская знать (беки, мурзы) составляла окружение правителя. Хан имел войско, состоявшее в основном из татар. Как служилые люди, они имели поместья на территории ханства. Религией та-

Вид с Оки 1634

тарского населения Касимовского ханства являлся ислам. Глава мусульманского духовенства избирался из числа сеитов, считавшихся потомками пророка Мухаммеда. В подчинении у сеита находился полк служилых татар.

Ханская казна пополнялась налогами с населения. Со всех промыслов поступал в казну оброк. Так, например, крестьянин, промышлявший ловлей рыбы, платил денежный оброк или отдавал каждую шестую рыбу. Ведал доходами и расходами ханства специальный казначей.

229 лет просуществовало Касимовское ханство. За эти годы на его троне побывало 14 правителей. Ряд касимовских правителей оставил заметный след в истории Российского государства. С именем Шах-Али хана (1505–1567 гг.), происходившего из рода сарайского хана Тимура Куллу, связано падение Казани.

г. Касимов, Рязанская обл.

Рассказ

Ринат МУХАМАДИЕВ

Вот вы, наверное, и не помните, когда пошли в гости в первый раз?... А я помню. Разве можно забыть такой прекрасный и такой памятный день! К тому времени моя бабушка Зарифа ходила уже согнувшись и опираясь на палку. Меня, несмотря на сенокос, оставили ей в помощь. Миссия у меня была очень ответственная. Мою бабушку, которая в последнее время без посторонней помощи за ворота не выходила, я должен был отвести на окраину села, в гости к дедушке Акбару. Меня несколько раз предупредили, чтобы я не болтал лишнего. Дорогу советовали выбрать окольную, подальше от сельсовета. Шел месяц рамадан, у дедушки же Акбара предполагалось разговение не обычное, а можно сказать камерное, с немногими участниками.

Идти было недалеко, однако двигались мы медленно, поскольку отдыхали на скамейках у ворот и обстоятельно беседовали с попадающимися на пути односельчанами. Я же, понятное дело, бабушку торопил. Очень уж хотелось в гости, да и как бы не опоздать...

В конце концов дошли мы до притаившегося среди растущих вдоль дороги берез дома дедушки Акбара и открыли высокие ворота. С самого начала меня поразила белизна камней, которыми была выложена дорожка от ворот до самого крыльца. А потом — то, насколько чист и светел был этот дом. И в передней комнате этого просторного светлого дома нас ждал накрытый стол. На дальнем конце стола кипел уже закрытый крышкой латунный самовар. В чисто выбеленной печке благоухал балиш, и рот мой моментально наполнился слюной. На красивой скатерти с вышивкой — большое блюдо с густым катыком, только что из подпола, каравай свежеевыпеченного белого хлеба и жареный в масле хворост. В стеклянной пиале белый мелко наколотый сахар. В другой изюм поблескивал желтыми жемчужинами. Был на этом столе даже лимон, и его золотые ломтики светились и приковывали взгляд. До сих пор не могу я забыть этот обильный и гостеприимный стол.

Там было несколько бабушек. Среди них тетушка — Шарифелджамал, которая накрывала на стол, и Минниса абыстай. Все они были в длинных белых платьях с цветочками, на головах белые платки. Волосы у бабушек под платками тоже белые. Хозяин дома дедушка Акбар также был в белой рубахе с воротником-стойкой. За стол он, конечно, не сел — остался на другой половине дома. Зато повезло нам с Нургаяном, внуком дедушки Акбара, который летом всегда гостил у деда. На нас надели одинаковые тюбетейки и посадили за стол на пустые места возле двери. И хотя был я тогда хлопчиком уже взрослым, лет семи, и с Нургаяном, который был младше меня на целых полтора года, давно не играл, однако сильно нос задирать не стал. Знал ведь: в гостях не будь приметлив, а будь приветлив.

Так и сидели мы с ним как два закадычных друга, принимались и приглядывались к тому, что стояло на столе, и старались не привлекать внимания.

Минниса абыстай сначала долго читала молитву, то и дело вставляя в неё незнакомые нам слова. Мы, с видом умным и благовопитанным, тоже сидели сложив ладони ковшиком и старались от бабушек не отставать. Бабушки поглядывали на нас с умилением. Сколько лет прошло, а не забываются их ласковые взгляды и то, как мягко гладили нас по спинам их морщинистые, сплошь в синих венах, руки.

Бабушки пили чай с лимоном, неторопливо переговариваясь и поклеивая со стола что твои воробы. Мы же с Нургаяном после того, как попробовали всё, что было на столе и основательно подкрепились, из-за стола встали и вышли во двор. Дедушка Акбар в саду отбивал чью-то косу. Сосед попросил. Ну, как ему откажешь? Исключительно отзывчивый человек дедушка Акбар, все кому не лень идут к нему за помощью и советом. А ему любое дело по плечу. Да мы и сами, когда отец на заработки в шахты подался, постоянно к нему бегали то топор насадить, то косу отбить. Не такое это, кстати говоря, простое дело, отбивать да править косу.

Увидев нас, дедушка Акбар выпрямился и подозвал к себе. Сорвал с растущей рядом яблони два крупных красных яблока и протянул нам.

— Гляди-ка, как ты повзрослел, Ринат, — сказал он мне, а я, уже и так счастливый, готов был взлететь.

Осмелев, я спросил:

— Акбар бабай, А вы меня научите как Нургаяна на лошади ездить?

— Научу, чего ж не научить, — ответил он, вытирая пот со лба, — Нургаян-то коня каждый день теперь сам на конюшню отводит...

Теперь Нургаян расцвел от похвалы деда. Он приосанился, откашлялся и выпятил грудь колесом.

— Вот, а я-то постарше его буду, — мне не хотелось терять завоеванных позиций.

— Настоящий джигит, — дедушка Акбар погладил меня по спине.

Я шмыгнул носом и расплылся в улыбке. И по дороге домой готов был не то, что

— Нигде в переулке не прячется?
— Да кто ж его знает...
— Ну что, рискнем?
— А куда деваться? Домой надо, не вечно же тут лежать...

Пробормотали все молитвы, которые знали. И один за другим стали выталкивать груженные сеном тележки из кукурузы. Однако в этот раз молитвы не помогли. Только начали мы загребать босыми ногами пыль большой дороги, как откуда ни возьмись со стороны деревни показался председательский жеребец. И где он только прятался... В тарантасе — сам Сафин. Его не спутаешь, он в тарантасе всегда стоя ездит. Глазами так и зыркает направо-налево, прямо как суслик, которой только из норы выскочил. Вожжи на руку намотал и несется вперед. Жеребец летит во весь опор. А этот — нет, чтоб свалиться — скачет прямо на нас, бранится, кнутом размахивает... Мол, сейчас каждый свое получит. И ведь точно — если не успеем, побросав и собранное сено, и свои тележки, удрать чужими огородами, получим все. Догонит и начнет кнутом хлестать. Наверное, каждый мальчишка в нашей деревне его кнута отведал. Есть и такие, что теперь заикаются и под себя ходят...

Догнал он нас с дикими воплями: «Догоним и перегоним Америку!». Кого-то опрокинул, кому-то кнутом попало. Сбежать не успели, попались, как лисята в силки, и пришлось нам прятаться в крапиву на обочине. Сидим, всхлипываем, носами шмыгаем, жалеем друг друга. А председатель торжествует. Проучив нас, вытащил из кармана складной нож и давай кром-

мне. А больше нет ничего, — ответил дедушка Акбар, осмотрев для верности телегу.

Только сейчас я заметил, что рядом с дедом на телеге сидит мой знакомец, Нургаян.

— А под задницей у тебя что?... Это ж, наверняка, колхозное сено, а, старик?... — обрадовано зорал Сафин.

— Вот ты о чём... — вздохнул дедушка Акбар. — Да ведь это осока, я её в яме у воды скошил, в березняке у деревни Яки. Чтобы сидеть мягко было. Курам на смех, товарищ Сафин. Колхозная скотина тако-го не ест.

— Чтобы сидеть мягко, говоришь?... Осока, говоришь?... — продолжая орать, председатель неожиданно замахнулся и ударил старика кнутом.

Мы окаменели и перестали дышать. И тут вскочил сидевший до того молча на телеге маленький Нургаян. Стиснув зубы и сжав кулаки, он встал перед оборзевшим начальником:

— Не смей бить! Это же мой дедушка! И, если бы дед не удержал его, спрыгнул и стукнул бы Сафина куда дотянулся.

— Ты только посмотри на него!.. — Сафин даже растерялся. — Этот ещё откуда взялся?

— Не трогай дедушку! Вот погоди, вырасту!.. — и принялся гладить вспухшую и покрасневшую от удара щеку деда.

Дедушка Акбар несмотря на возраст никогда не давал. А сейчас вот с места не двинулся, вроде бы и не рассердился даже, только погладил бородку и как всегда вежливо и спокойно ответил главе колхоза:

— Хочу сказать тебе, товарищ Сафин, народ ты всегда обижал, но сейчас перешел все границы. Совет мой тебе — детей не трогай. Не обижай ты наших детей! Ведь ты с нами одну землю топчешь...

— Дети, значит? — продолжал кричать тот. — А о колхозном добре кто позаботится? Я ж не для себя, я вон для страны сутки напролет кручусь. Иначе кто будет проводить в жизнь призывы нашей партии догнать и перегнать Америку по мясу, молоку, яйцам и шерсти?..

— Так ведь и я, товарищ Сафин, пять лет на фронте за Родину воевал... Но не за то, чтобы такие, как ты, били наших детей.

Сафин не ответил. То ли понял свою вину, то ли сказать было нечего. Вскочил в тарантас, рванул вожжи и вытянул кнутом ни в чем неповинного жеребца. Тот рванул с места, и, размахивая кнутом над головой Сафин, пропал с наших глаз. Однако крики «догоним и перегоним Америку по производству молока, мяса, яиц и шерсти!!!» ещё долго долетали до нас.

С тех самых пор я при первой возможности бежал к дедушке Акбару. По соседству с ним жила наша родственница тётя Зайнаб. Я приходил к ней и, как только у ворот показывался Нургаян, бежал к нему. Интересовал меня не столько он, сколько конь дедушки Акбара. Уж очень хотелось мне научиться ездить верхом. Дедушка Акбар своё слово держал. А уж ездить на запряженном им рыжем мерине было одно удовольствие.

В тот год зима была исключительно снежной и ветреной. Дома, бывало, по самую крышу замело. Помню, как катались мы на санках с крыши дома. В один из таких зимних вечеров, когда буран не давал носу на улицу высунуть, по нашей занесённой снегом деревне пронёсся слух: «Председатель Сафин упал с саней и свернул себе шею».

В деревне врача нет, телефон не работает, до райцентра двадцать пять километров. Жил он один, семья к нему не переехала. Человеку нужна была помощь, его надо было срочно отвезти в район. Однако никто не рвался, на ночь глядя в дальнюю дорогу, в буран, плутать в лесах и холмах. Почти каждый день до нас доходили вести о потерявшихся и насмерть замерзших земляков. Не помогло и то, что председатель сельсовета лично ходил по домам и уговаривал отвезти Сафина в больницу. Дедушка же Акбар пришел в сельсовет сам.

— Отвезу его. Мерина запряг, вон, положил в сани сухого сена и два тулупа...

Сафина вынесли. Положили его на один тулуп, другим накрыли. Ночью, в буран, один через занесённые снегом поля и леса, повёз его дедушка Акбар и на рассвете доставил в Мамадыш, в центральную больницу.

Не раз и не два говорили ему потом: — Зачем же ты, рискуя жизнью, кинулся спасать человека, который не только односельчан твоих замордовал, но и на тебя руку поднял?..

И дедушка Акбар неизменно отвечал: — Все мы под Богом ходим. Он ведь тоже чьё-то любимое и ненаглядное дитя...

Перевод Марианны Валишевой

бежать — лететь. Однако бабушка лететь не хотела и всю дорогу тормозила меня: «Сынок, ну куда торопишься, не тяни меня, потише»...

На следующий день мы с соседскими мальчишками, как обычно, отправились на кукурузное поле за деревней — собирать сорняки на корм скотине. Несколько часов мы, не поднимая голов, лазили в кукурузе, соревнуясь, кто больше надергает лебеды, пырея, вьюнка и васильков. В горле пересохло, со лба пот течет, уже не только пить, но и есть хотелось, однако хоть пару охапок свежей травы к вечеру каждый должен был принести, чтобы было чем вечером покормить коров. Когда работаешь весело, с шутками, играми, да соревнуясь друг с другом, — время незаметно бежит. Наконец собранное сено мы оттащили на край поля и привязали к спрятанным там самодельным тележкам об одном колесе. До деревни недалеко, и дорога удобная, под горку. Для нас, мальцов, это не расстояние: вприпрыжку, обгоняя друг друга, за десять-пятнадцать минут добегаем. Добежать-то не фокус, главное — уже в деревне не попасться на глаза новому председателю колхоза. А попадешься — пиши пропало...

Долго осматривались, высунув головы из кукурузы.

— Этого не видеть?

«Этот» — значит, председатель колхоза Сафин.

— Вроде не видеть...

сать веревки, которыми наше сено было привязано, несколько тележек разломал. И всё время материл нас по-русски, а кнут его со свистом так и летал над нашими головами...

Тут на наше счастье появился на телеге дедушка Акбар — он возвращался с поля. И только когда он остановил лошадь, мы почувствовали некоторое облегчение. Дедушка Акбар — человек в селе уважаемый, его портрет на Доске почёта висит, говорят, даже в районной газете его фотография была. При нём уж Сафин нас бить не станет. Может даже и сено отдаст, которое мы с таким трудом собирали...

— Товарищ Сафин, что случилось? Разве так можно? В чем дети провинились? — спросил дедушка Акбар, не слезая с телеги.

— Кто виноват, кто не виноват — тебя не спросили, — накинусь Сафин на старика. — Сам-то тоже, небось, ворованное везешь?!

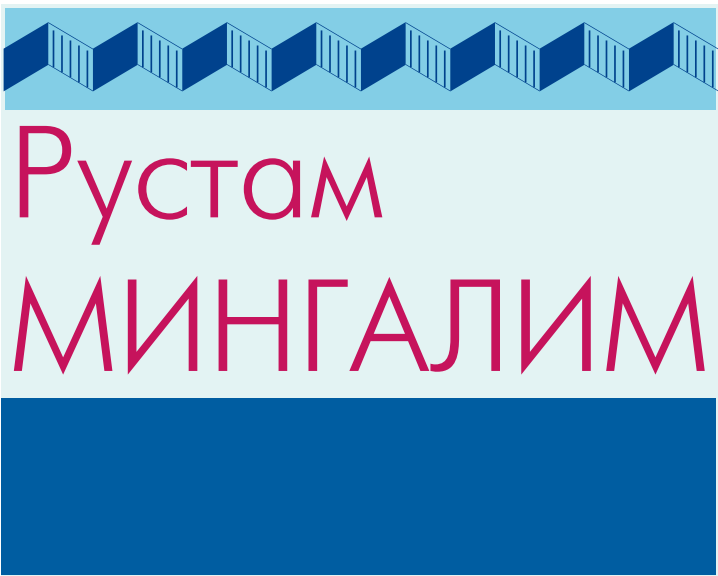
— Что вы говорите, товарищ Сафин, я до своих лет дожил и никогда чужого пальцем не тронул. Поостерегся бы грешить, да ещё в месяц рамазан...

Но спеси и высокомерия у чиновника, назначенного сверху руководителем колхоза, было немерено, и договорить он старику не дал.

— Какой еще рамазан?... Болтаешь много!.. — и замахнулся кнутом. — Что там у тебя на телеге? Откуда?

— На телеге я и мой внук, помогал он

Поэтическая гостиная

ЧЕЛОБИТНАЯ

* * *

Наслушался я всяческих пророков –
Впрямь их лобзать, пить мед устами их!..
Теперь предпочитаю без мороки,
С женой сверяться в помыслах моих.
В итоге: в шестьдесят, круг замыкая,
Дерзнул, как есть, все Богу описать.
Как раз был день рождения Тукая –
Такой момент еще бы поискать!
О Господи! Всесилен,справедлив Ты,
Нас вразумляешь всех до одного.
Прошу, не отвергай моей молитвы,
В ней три, три просьбы только лишь всего.
Во-первых, не сочти, что стражду всуе.
Завидный взлет искусства у татар:
Сегодня музицирует, рисует,
Поет, танцует, пишет – млад и стар.
Жена права: оказия такая,
Что каждый, кто татаринoм рождён,
Достоин оптом премии Тукая
И прочих отличительных имен.
Остереги, Господь, не дай чинушам,
Дробя, поштучно обезличить нас.
...А во-вторых, тайком открою душу –
Согласья нет в родном краю сейчас.
Кипит Казань в хмельном меду свободы,
Конца и края словопрениям нет.
Внуши Москве: ни под каким предлогом
Нельзя давать нам суверенитет.
Иначе распри тут же растерзают
Не поделивший вольности народ.
Прекрасно, что Москва про то не знает,
Смекнет – другой даст делу оборот.
Из нас же некто, удалством пылая,
Поселит вседозволенность в умах...
...По мне так государственность былая –
Лишь память, праотцов истлевший прах.
А наша жизнь – бурлит под стать искусству!
Но сердце не смиряется никак:
Вид сквера наполняет грустным чувством –
Он выбран местом выгула собак.
Ну, это мелочь. На собак налогом
Обогатят, я думаю, казну...
И, в-третьих... Стоп, жена! Остынь немного –
За дерзость я и так себя казню.
Ступив за грань, жду рая, а не кары,
Господь, не отсекай надежду мне.
Сполна дай счастья молодым и старым,
Здоровья дочерям моим, вдвойне
Всех благ и русским и татарам,
А главное, Господь, – моей жене!

БЫТЬ СЧАСТЬЮ ПОСЛЕ НАС

Впереди, в дальней-дальней ночи,
Нас не знающей чудной ночи,
Нам знакомая светит луна,
В глянце вод серебрится она.
Гнутся сходни. Следы на песке.
Кто же там, на ступеньках, и с кем?
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Ночь без края, как счастлива ты!

Впереди, в дальней-дальней ночи
Вальс влюбленных заздравно звучит.
...Чутко замерло все под луной,
Только паводок плещет волной.
Гнутся сходни – вода по доске.
Кто же там, на ступеньках, и с кем?
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Ночь без края, как счастлива ты!

Впереди, в дальней-дальней ночи
После нас счастье в двери стучит,
Счастье каждому, всем и везде.
...Серп луны, как наш след, на воде.
Гнутся сходни на зыбком мостке.
Кто же там, на ступеньках, и с кем?
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Кто бы ни был, но счастлива ты,
Ночь без края, как счастлива ты!

А что если все правда вернется и будет,
как было раньше:
Пластмассовый буратино, почерканные раскраски,
Пластинки кофейной резинки, двойной альбом
музыкальной сказки.

Мы будем ровесники, ты, может, немного старше,
Звездочек командиры, поможем-догоним-осилим
Флюоресцент «по обмену», а наши все в темно-
синем
Столбики пятаков, над снопами восходит солнце,

Кажется, что мода на клеш уже никогда
не вернется,

Дисней на видео в лучших домах, чтоб не ждать
до конца недели,
Мобильники только в кино у боссов и размером
с гантели,
Молоко, как водится, только в треугольных
пакетах,

Мы – цветочные дети в наушниках и одинаковых
кедах.

Ну хорошо, нам и здесь хорошо, beloved,
Все напоказ, все рядом, тут нас никто не ловит,
Ультрафиолетовый маятник под ультракрымским
загаром,

Чипсы, стардогз, багеты торгуют во всем зоопарке,
Но в переходе, около, есть петушки на палке.

Краска и женный сахар. Детство. Почти задаром.

ПОВЕРХУ

Захотелось пешком и поверху,
Как давно, по зыбучей косе,
Оступаться, нащупывать веху –
Я как все или я не как все?

Мы заснули как были проснулись
Огрызнулись недолго и зло
Разминулись, потом обернулись
Обознались. И время пошло.

И ворчу, и настойчиво ною –
Очутись в первозданной красе
Появись, оживи предо мною
И скажи мне, что я не как все!

И досада, и жалость, и зависть
Натирает на каждом шагу.
Оборачиваюсь. Огрызаюсь.
И забыть ничего не могу.

ВЕЛИКИЙ ЯГОДНЫЙ ПУТЬ

Этот путь зовется Великий Ягодный Путь,
Я тебе расскажу, как пройти, а ты меня не забудь.
Где сошла Черешня, там к Вишне сама приведет
нога,

Но не рви того, что не вышло за берега.
Этот путь тебе даст и Терна, и Алычи,
Но чего не съел, того ногой не топчи.
Не бери с протянутой ветки незрелый плод,
Не проси у Сливы, чтоб падала прямо в рот.
Не вари компота на плитке, вари на печке,
Не купайся в бескрайнем море, купайся в широкой
речке.

Не забудь того,кто покажет дорогу к Ягодному Пути,
Не женись на том, кто уверен, что готов за тебя пойти.

Переводы Аркадия Фокина

Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Ни у одного из вас вера не будет считаться совершенной,
пока не очистите язык (от сквернословия).

Ни один ученый (богоугодный) не довольствуется своими
знаниями пока не дойдет до Рая.

Ищи знания от колыбели до могилы.

Находиться в обществе неблагодарных и несправедливых
недопустимо.

Не ругайте мертвых: (этим) причиняете зло живым.

Не ругайте мертвых, они заняты тем, что заблаговременно
послали.

Не злословьте (втайне) в отношении мусульман и не ищите
их пороки.

Ни одного доброго дела не считай малым.

Не дай Бог, чтобы, попав в трудности, пожелал бы своей
смерти.

Не следует радоваться приветом кого-то, не познав его ум.

Не рвитесь к руководящим постам, так как назначение без
вашей просьбы, гарантирует вам помощь, а если с просьбой, то
не будет у вас поддержки.

Выполнение обещанного исходит от веры.

Добрые помыслы — хорошая молитва.

Божья Религия — проста и доступна.

Воздаяние (от Бога) за милостыню (помощь) родителям и
близким поступает быстрее, чем воздаяние за все молитвы.

Мудрость прибавляет славу.

Наилучшей из доброт является хороший нрав.

Люди Рая — преимущественно простодушные люди.

Ответ на письмо обязателен, как ответ на искренний при-
вет.

Примирите людей, пусть даже неправдой.

Ищите долю из тайников земли.

Подаяния не становятся причиной уменьшения имущества.

Больше всех прав у мужа к жене и больше всех прав к муж-
чине у матери.

Небольшое дело, выполненное со знанием, значимее мно-
жества дел, выполненных невеждой.

У каждой религии — свой особый нрав, в Исламе этим нра-
вом является стыд (благопристойность).

Зависть пожинает добрые деяния, как огонь (пожинает)
дрова.

Во времена больших раздоров люди в панике срываются со
своих мест, кроме ученых, которых спасет свет науки.

Бог любит добросердечных и незаметных людей.

Бог любит добрые и славные дела и не любит мерзкие и
незначительные дела.

Каждый, кто прощает, Аллах прибавляет к его почету, и Аллах
возвышает того, кто бывает скромным.

Бог отважен для (защиты) мусульманина, он (мусульманин)
тоже должен быть отважным.

Бог определил эту землю для меня как место поклонения и
средство очищения.

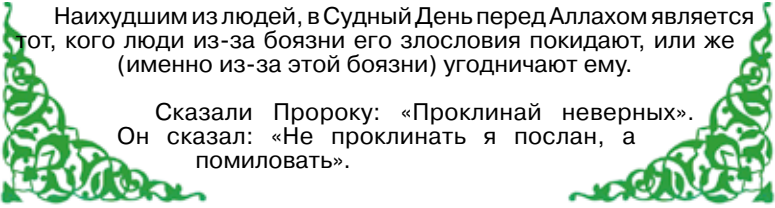
Если Бог хочет добро для (определенного) народа, вводит
их в затруднительное положение, чтобы стали испытанными и
опытными и (впредь) могли постоять за свои права.

Самые тяжкие мучения на том свете (уготованы) для тех
ученых, у которых слово расходится с делом.

Корни, распустившиеся насилием в земле, не приносят
плоды правды.

Наихудшим из людей, в Судный День перед Аллахом является
тот, кого люди из-за боязни его злословия покидают, или же
(именно из-за этой боязни) угодничают ему.

Сказали Пророку: «Проклинай неверных».
Он сказал: «Не проклиная я послан, а
помиловать».

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р.С.,
Председатель Редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии медицинских наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х.Ч.
доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р.М.
президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Володарская Э.Ф.
член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАЕН

Давлетшин Г.М.
доктор исторических наук, профессор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Нигматуллин Р.И.
член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, директор Института океанологии РАН

Рыбаков Р.Б.
директор Института востоковедения РАН

Сейфуль-Мулюков Ф.М.
член правления «Ватаным», журналист-международник

Смаков Р.М.
член правления «Ватаным», зам.председателя Верховного Суда РФ в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации

Табеев Ф.А.
член правления «Ватаным», в прошлом многолетний руководитель Татарской АССР, посол СССР в Афганистане, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР

Тишков В.А.
директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН

Фатхтдинов Ф.К.
главный редактор республиканской общественно-политической газеты Башкортостана «Кызыл Тан», кандидат филологических наук (Уфа)

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Шавкат Янгильдин

Заместитель главного редактора
Николай Красильников

Дизайнер-художник компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10.11.2004.

Издание газеты осуществляется при финансовой поддержке Общественной палаты РФ и Благотворительного фонда «Милосердие»

Адрес редакции:

115184, Москва,
М. Татарский пер., д.8.
Тел./факс.(495)951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки и распространения).
E-mail: mail@tatworld.ru

Подписано в печать

10.12.2010

Отпечатано в типографии
Р-мастер

Тираж 15 000 экз.

В ДОМЕ
Бурганова

Александр Николаевич Бурганов – скульптор, народный художник России, академик Российской академии художеств, профессор МГХПУ им. С.Г. Строганова – уникальная личность в пространстве российской и мировой культуры. Масштаб творчества А.Н. Бурганова необычайно широк – от произведений монументального характера до графических работ и литературно-философских трудов. Однако все его творчество – это единое целое, философский трактат его мироощущения.

Ярким импульсом к творчеству мастера послужил период «оттепели» 1960-х годов, когда появилась возможность открытого самовыражения. Уже в это время сформировалась одна из ведущих тем его творчества – образ дома, жилища, места обитания человека как проблема формирования личности индивидуума и его самореализации во всех формах – от профессиональной до творческой и, шире, жизненной.

60-е годы – время новой эстетики: минимализм пластики, аскетизм формы и др. Массовое строительство жилых домов дало возможность каждой семье получить квартиру, квартиру – клетку, где все, несмотря на видимую закрытость пространства, защищено, открыто и доступно для обозрения. Отчасти в работах художника отражается рефлексия на жесткую регламентированную реальность тех лет. Тема железной клетки, тесноты и страдания раскрывается во многих произведениях А.Н. Бурганова разных периодов – это и «Птица в клетке» (1974), и «Война и мир» (1980), «Профиль» (1988), «Клетка» (1988, 1992), «Обнаженная в клетке» (1995) и другие работы. Маленькое, тесное пространство клеток давит на человека, не дает в полной мере раскрыться его индивидуальности, его личности.

Внутренний мир художника – сложный иллюзорный мир, мир символов и метафор. Этот мир отражается во всем, что создает Александр Николаевич, во всем, что его окружает. Наиболее ярко и полно видение мира художником отразилось в создании личного музея на базе собственной действующей мастерской. Неслучайно и название музея – «Дом Бурганова». Даже в название новой общественной, а позже приобретшей государственный статус, институции художник вложил основную мысль творческого постижения окружающей действительности – через образ Дома.

Получая в собственное пользование личное пространство, человек начинает обживать его, выстраивать свое «миро-здание», свой собственный мир в миниатюре, он начинает окружать себя тем, что соответствует не только функциональному предназначению, но и его эстетическим взглядам, его мировосприятию.

Сам образ дома по своей сути представляет собой символ мира, где пол – это земля, а крыша являет собой небо. В «Доме Бурганова» эта идея обретает свое пространственное решение – музей художника находится под открытым небом и не имеет строго ограниченной стенами зоны, его экспозиция выходит далеко за пределы здания музея, расширяя пространство и органично включаясь в архитектурный ансамбль города. Вся архитектура здания – символична и образует вместе со скульптурой

синтез искусств. Организованное художником пространство здесь выступает как самостоятельное художественно-эстетическое произведение.

Именно музей наиболее красочно отражает искусство самовыражения личности художника, самоценность неповторимой творческой манеры, мировоззрения, внутренней духовной биографии, индивидуальность мастера.

Дом, по мнению А.Н. Бурганова, – «тело вечной жизни». Именно стены и предметы дома формируют и направляют судьбу каждого, кто родился

под его крышей. И единственным гарантом будущего художник видит хороший дом с прекрасными произведениями искусства. Такой дом создал и он сам. Александр Николаевич формирует личный музей в соответствии с собственными предпочтениями – законам личностного видения мира подчиняется не только музейное пространство, но и его экспозиционное решение, здесь можно увидеть не только работы автора, но и окружающий его мир, который он сконцентрировал вокруг себя.

Московский государственный музей «Дом Бурганова» представляет не только работы Александра Николаевича, но и разнообразные коллекции произведений

искусства – от античности до наших дней. Эти фонды непосредственно отражают художественные приоритеты мастера и создают ту эмоциональную среду, которая необходима художнику в его собственной работе. Главным постулатом художника стала индивидуальная форма творчества, осуществляемая по своей внутренней программе, согласно своим личным ориентирам в истории искусства.

Уникальное пространство музея «Дом Бурганова», выстроенное самим мастером – это отражение жизненных принципов художника, его личных предпочтений и эстетических воззрений, это не просто его видение мира, но и сам его собственный мир – Образ Мира.

Вероника Ядрина

ВНИМАНИЕ – ПОДПИСКА-2011

Нет дня, чтобы в редакции не было звонка с вопросом от читателя – где можно купить вашу газету. Этот же вопрос часто встречается и в редакционной почте. Такая востребованность, конечно, радует нас, значит, газета нужна, читателям интересно то, о чем мы пишем. И в новом году мы продолжим уже полюболюбившиеся читателям рубрики «Судьбы наших современников», «Легенды спорта», «Наше наследие», «Мир искусства», «Страницы истории», «Детская страница», «Актуальное интервью» и другие. Недавно появилась и будет регулярно продолжаться рубрика «Из жизни регионов». Она о том, как живут наши соотечественники на просторах России и за рубежом. Редакция планирует также чаще публиковать

очерки и статьи о выдающихся татарских военачальниках и полководцах, о мастерах театральной сцены, публиковать стихи и рассказы классиков и современных писателей татарской литературы. Появятся новые материалы ученых о богатой истории нашего народа, самые интересные результаты этих исследований станут достоянием и наших читателей. Заслуженным успехом пользуется у читателей рубрика «Тюркское пространство», где мы рассказываем о достижениях близких нам народов.

Словом, редакция газеты «Татарский мир» будет стремиться расширить и донести до каждого читателя глубокий многогранный мир духовного богатства татарского народа.

Мы рады сообщить нашим читателям: во всех отделениях почты России продолжается подписка на газету «Татарский мир».

Наш индекс 39614 в каталоге «Пресса России».

Выписывайте и читайте газету «Татарский мир»!

В этом же каталоге по индексу 39760 читатели могут подписаться на журнал «Восточный свет».

